

:ի րՇորոն :

: ի րո՞ւ րՇգյո՞ւմ խնդր՛ի
անրանր՞ն :

#61

Палантир

журнал

ТОЛКИНОВСКОГО

общества

Санкт-Петербурга

ДЕКАБРЬ

2010

Питер Колльер. Интервью с Джоном Гартон, автором книги «Толкин и Великая война». Перевод Марии Семенихиной. . . . 4

Кеменкири. Древнеанглийские имена потомков Финве. Размышления глюколова со словарем. 14

Арторон. К вопросу о штанах Арагорна 27

Альфия Шафикова (Гвенллиан). Целомудрие и супружеские отношения в мире Арды. 32

На последней странице - работа **Моргул** “Лихолесье”

ПАЛАНТИР

№ 61 декабрь 2010

ЖУРНАЛ

ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Этот номер для вас делали:

Мария Семенихина, Золтан Бардинг, Моргул, Наталья Антонова

E-mail: zoltan@tolkien.ru barding@mail.ru

Наш сайт: tolkien.spb.ru

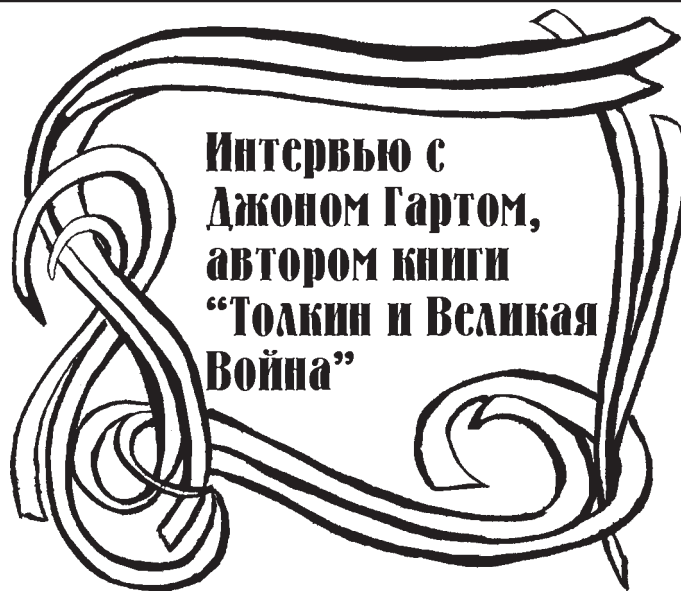
Copyright (c) 1997-2010, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.

Интервью с Джоном Гартм, автором книги “Толкин и Великая Война”

Питер Колльер, администратор сайта Tolkien Library

(далее в тексте -TL)

перевод Марии Семенихиной

Бывает так, что читаешь книгу и тут же понимаешь, что она добавляет нечто существенное к тому, что мы уже знаем о Дж.Р.Р. Толкине. Недавно я прочел знаменитую книгу Дайаны Глайер *The Company They Keep* [о Толкине и Льюисе], и сразу осознал ее важность. Она напомнила мне другую книгу, прочитанную до этого - «Толкин и Великая война: На пороге Средиземья» Джона Гарта, которая с первого же прочтения оказала на меня большое впечатление. Хотя эти книги - совершенно разные как по теме, так и по стилю, но обе они - образцовые работы по Толкину. Когда мы отмечали выход «Детей Хурина» 7 апреля 2007 года, в список приглашенных на праздник был включен и Джон Гарт. К сожалению, он тогда был нездоров, и в последний момент вместо него пришлось пригласить также весьма интересного автора - Джона Рейтлиффа, автора «Истории Хоббита». Хотя с момента выхода в свет «Детей Хурина» прошло почти 2 года, я рад сообщить, что наконец-то могу предоставить вниманию любителей Толкина настоящее интервью, и очень благодарен Джону Гарту за то время, которое он мне уделит. Я

очень надеюсь, что вам всем оно доставит удовольствие не меньше, чем мне, и позволит узнать кое-что новое о самом Гарте и его удивительной книге - одной из тех биографий Толкина, которые должен прочитать каждый, интересующийся его творчеством.

ТЛ: Расскажите немного о себе.

Гарт: Я - автор книги «Толкин и Великая война», которая стала лауреатом премии Mythopoeic Scholarship в 2004 г. и была опубликована в Великобритании, США, Италии и Китае. Я зарабатываю на жизнь как журналист-фрилансер, писатель и литературный редактор в бумажных и электронных изданиях. Я опубликовал несколько статей о Толкине в газете *London Evening Standard*, а также периодически выступаю с книжными обзорами на страницах английских государственных газет. Я также вхожу в коллектив авторов журнала *Vinyar Tengwar*, который занимается посмертными публикациями работ Толкина по Квенья, Синдарину и другим созданным им языкам.

ТЛ: Как Вы познакомились с книгами профессора Толкина?

Гарт: Это началось еще в детстве. Мы купили «Властелина Колец» по совету дяди, который имел обыкновение раз в год его перечитывать. Я обычно открывал его и любовался картами, - я до сих пор помню пьянящий аромат этих названий гор, рек и лесов - хотя о сюжете книги не знал тогда ничего. Однажды вечером в марте 1976 г. я взял книгу и начал читать. Я был околдован. Даже странно сознавать, что мне тогда было всего девять лет. За следующий год я перечитал «Властелина» еще четыре раза, и, конечно, успел проглотить и «Сильмариллион», вышедший в свет как раз в сентябре 1977 года.

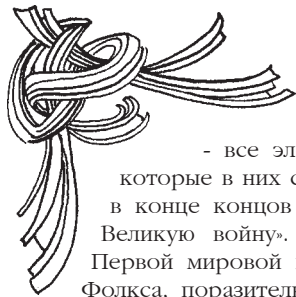
ТЛ: В 1977 году я только родился, и поэтому всегда хотел знать: чем был ознаменован выход в свет «Сильмариллиона»? Было это похоже на выход «Детей Хурина»? Как читатели приняли эту книгу и что Вы тогда думали о ней?

Гарт: Конечно, тогда не было никакого Интернета, обо всех новинках сообщалось в прессе - или, наверно, еще по радио, хотя я ничего и не слышал. Тогда Кристофер Толкин дал интервью Биллу Кейтеру - тому, что некогда брал интервью и у его отца - для *The Sunday Times Magazine*, под заголовком «Сыновний долг Кристофера Толкина» (*The filial duty of Christopher Tolkien*). Издательство Аллена и Анвина выпускало плакаты, наклейки и газетные рекламные объявления, на которых был герб Люттиэн с суперобложки книги. Я это помню, потому что я тогда заклеил ими всю свою спальню. Но я не думаю, чтобы вокруг «Сильмариллиона» был такой же ажиотаж, как вокруг «Детей Хурина», хотя его ждали с куда большим нетерпением и намного дольше. Тогда не было такой массовой рекламной кампании - и не было фильмов, которые подогревали бы интерес публики (мультфильм Ральфа Бакши «Властелин Колец» вышел в следующем году, но успеха, подобного трилогии Джексона, не имел).

ТЛ: Хотелось бы поговорить о Вашей книге «Толкин и Великая война». Что побудило Вас написать ее?

Гарт: Началось все как статья для фэнзина, но быстро переросло этот формат. Мысль написать о военных годах Толкина возникла на почве двух вещей,

которыми я тогда одновременно занимался. Большое наслаждение в книгах Толкина мне всегда доставляли изобретенные им языки. Тогда я пытался свести воедино все множество рукописей, заметок и машинописных листов, которые воспроизводятся в «Истории Средиземья», а попутно - все элементы Квенья, Синдарина и других вымышленных языков, которые в них содержатся. Проект был значительным, но довольно скучным: в конце концов я его забросил. Но без него я не написал бы «Толкина и Великую войну». Ради удовольствия я тогда читал несколько романов о Первой мировой войне - в частности, «Птичье пение» (*Birdsong*) Себастьяна Фолкса, поразительно энергичный рассказ о битве на Сомме, и «Обновление» (*Regeneration*) Пэт Баркер - реконструкцию военного периода жизни поэтов Уилфреда Оуэна и Зигфрида Сассуна.

Так что когда я начал осознавать, что ранние эльфийские стихи Толкина были написаны в военных лагерях Личфилда и Кэннок Чейза в Стаффордшире или Этапля в Северной Франции, я был поражен зияющей пропастью между тем, что Толкин тогда писал, и тем, что с ним при этом происходило. Это я и хотел изучить; хотя чем глубже я закапывался, тем яснее понимал, что никакой пропасти на самом деле нет.

ТЛ: Как Вы решили писать о войне? Это одно из Ваших увлечений?

Гарт: Меня никогда не интересовали ни военная символика, ни традиции, и когда я попробовал играть в военные игры на компьютере, то понял, что стратег из меня никакой. Но меня всегда волновали описания битв у Толкина. В 12 лет, перечитывая сцену осады Гондора на каникулах в захолустном коттедже в Уэльсе, я был потрясен настолько, что зачислил себя в пацифисты. Сейчас я не столь категоричен в своих оценках пороков и добродетелей войны; но чувство, что Толкин описывает что-то очень реальное, осталось со мной, а суждение о книгах Толкина как о всего лишь эскапистских всегда казалось мне довольно близоруким.

ТЛ: Какие трудности и какие интересные моменты Вам встретились в ходе исследования военного опыта Толкина?

Гарт: Истинным даром Божьим было то, что послужной список Толкина стал доступен как раз тогда, когда им заинтересовался я. В государственных архивах Соединенного королевства (в то время они назывались *Public Record Office*) офицерские послужные списки хранились в закрытых фондах до января 1998 года, из соображений секретности, но я оказался первым, кто посетил этот фонд в день, когда гриф секретности с него был снят. Впрочем, я тут же столкнулся с большой проблемой: в послужном списке Толкина было не столько про войну, сколько про состояние его здоровья, когда он после битвы на Сомме был отправлен домой в Британию с окопной лихорадкой. Чтобы понять, что значила для Толкина Сомма, мне пришлось как следует изучить записи, оставленные бойцами его батальона и других, которые располагались неподалеку, а также искать прочие свидетельства очевидцев, которые вместе дали бы полную картину этой огромной битвы. Я чувствовал одновременно трепет и восхищение, когда прикасался к страницам, написанным в самом сердце окопного ада, включая отчеты разведки Дж.Б. Смита, друга и сотоварища Толкина по

Ч.К.Б.О. - Чайному клубу и Барровианскому обществу, которое они создали в Школе короля Эдварда в Бирмингеме.

Мне нравилось наблюдать, как в ходе исследования все кусочки складываются в хронологически цельную картину. Мне давно было известно письмо, которое цитирует Хэмфри Карпентер в «Биографии» Толкина - то, где Смит называет себя страстным и искренним поклонником сочинений Толкина. Но никто - пожалуй, даже Карпентер - не знал, что Смит написал это письмо, отправляясь в смертельно опасный ночной патруль по нейтральной полосе на Сомме. Офицер, командовавший патрулем прошлой ночью, не вернулся назад - он попал в плен и умер от ран; так что Смит действительно думал, что в письме другу Джону Рональду передает свои, может быть, последние слова.

Большой удачей было обнаружить живых родственников другого члена Ч.К.Б.О. - Роберта Квилтера Джилсона, который был убит в первый же день битвы на Сомме, 1 июля 1916 г. Его семья сохранила его письма домой из учебных лагерей и окопов. В них оказались ценные сведения о жизни младших офицеров Великой войны, а также бесценная информация о кружке бывших школьных друзей Толкина. Самое главное - они вынудили меня уделить больше внимания Джилсону; как я полагал, это было важно для правильного понимания того, что значили для других его жизнь и смерть.

Я побывал на месте битвы, разыскивая следы Толкина по старым планам окопов. Также я побывал на полуострове Хольдернесс, где Толкин провел большую часть 1917 и 1918 гг. - и я думаю, что обнаружил место той самой «поляны болиголова», которая стала источником вдохновения для легенды о Тинувиэль.

ТЛ: Как долго Вы писали книгу «Толкин и Великая война»?

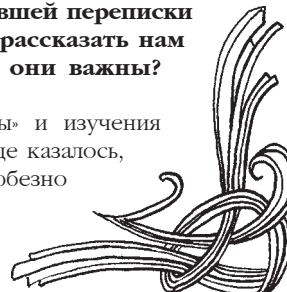
Гарт: Я приступил к работе над ней в январе 1998 года, а в свет она вышла в ноябре 2003 г.; итого пять лет. Хотя между первым наброском, который был завершен летом 1998 г., и возобновлением работы в 2001 г. (когда я подписал договор с издательством HarperCollins) был большой перерыв. В это время я ничего не писал, зато набрал в ходе исследования так много материала, что взяться за следующий фрагмент было крайне тяжело.

ТЛ: Чего Вы ожидаете - или ожидали - от своих читателей?

Гарт: Я надеюсь, что они смогут перечитать Толкина заново, свежим взглядом, зная, сквозь что он прошел и в каких условиях начало создаваться Средиземье.

ТЛ: Многое в Вашей книге почерпнуто из уцелевшей переписки Толкина с друзьями по Ч.К.Б.О. Вы можете немного рассказать нам о том, как Вы обнаружили эти письма и насколько они важны?

Гарт: Даже после посещения «мест боевой славы» и изучения официальных источников и бумаг Роба Джилсона мне все еще казалось, что книге недостает сердечности. Но тут Толкин Эстейт любезно позволило мне изучить переписку Толкина с другими «барровианцами» - Смитом, Робом Джилсоном и Кристофером Уайзменом. Эти письма хранятся вместе с другими бумагами

семьи Толкинов в Бодлианской библиотеке Оксфорда, где я проводил долгие дни, раздумывая над ними и желая побыть с ними подольше. Благодаря им я стал очень внимательно относиться к этим молодым людям и понимать ту жизненно важную роль, которую они сыграли на раннем этапе эволюции толкиновского легендарииума. Как видно из писем, стихи Толкина о «феях» Эльдамара, о заблудших в ночи людях Арьядора и мореходе Эаренделе читались во всей полноте членами Ч.К.Б.О., которые изумлялись им, приходили от них в восторг, хотя и не удерживались от критики. Смит, коллега-поэт, не скупился на похвалы, и, как я подозреваю, память о его похвалах вдохновляла Толкина и в последующие годы. Уайзмен нещадно критиковал стихи Толкина, но, я думаю, это только побуждало автора впоследствии тщательнее работать над достижением нужного результата. В целом письма помогли мне представить жизнь Толкина более живо и зримо, и я понял, что книга о Великой войне не может быть только о битвах, но также должна касаться и внезапного взросления и расставания друзей и близких, военной муштры и выздоровления, а также катастрофических перемен в культуре и менталитете.

ТЛ: Насколько существенной была помощь Кристофера Толкина? А вдовы Кристофера Уайзмена?

Гарт: Прежде чем печатать свою книгу, я должен был получить согласие на это от Кристофера Толкина - из-за давнего договора с издательством HarperCollins и потому, что я пользовался личным архивом его отца. Так что, хотя я ни разу не встречался и даже не разговаривал с мистером Толкином, у нас была длительная и обстоятельная переписка. Он был весьма щепетилен, неизменно указывал на неудачные формулировки и требовал, чтобы я проводил границы между фактом и предположением. Так что я думаю, что книга благодаря его сотрудничеству получилась гораздо более выверенной стилистически и композиционно. Я брал интервью у вдовы Кристофера Уайзмена, Патрисии, у нее дома в Милфорде-он-Си в Хемпшире - это было очень приятно, хотя не без разочарования для нас обоих. Она вышла за него довольно поздно - в 1960-е гг. - и поэтому могла ответить далеко не на все мои вопросы. К несчастью, как выяснилось, Уайзмен относился к своему имуществу без особых сантиментов, и поэтому не хранил писем ни от Толкина, ни от других соавторов по Ч.К.Б.О. Патрисия рассказала, как к ней во время работы над биографией Толкина приезжал Хэмфри Карпентер с толкиновскими письмами от членов Ч.К.Б.О., и она с дочерью читали их с жадностью; но ее муж остался только глубоко опечален неожиданно разбуженными воспоминаниями.

ТЛ: Узнали ли Вы что-нибудь новое о Толкине в ходе работы над книгой?

Гарт: Самым большим открытием стало всего лишь то, насколько Толкин был погружен в атмосферу войны 1914-1918 гг., особенно во время битвы на Сомме. Карпентер в «Биографии» не ставил целью раскрыть эту тему подробно - он ужимает четыре месяца службы в окопах, включая две крупные атаки, в несколько параграфов. Картина, которую я сумел составить, обширна, и переполнена горем и ужасом.

Также гораздо более живой и сложной, чем я себе сначала представлял, оказалась личность самого Толкина, каким он предстает в переписке с товарищами по Ч.К.Б.О.: неловкий, гордый, замкнутый, но не прочь повеселиться. Друзья искренне любили его и восхищались им.

Выражаясь стилем самого Толкина, я осознал хотя бы некоторые из тех сложных способов, которыми он преображал свою жизнь и познания в материю, составляющую Средиземье. Мало сказать, что Великая война повлияла на его творчество. Начать с того, что были и другие источники вдохновения - например, «Беовульф», «Энеида», филология. Однако и у войны много лиц, и одни из них менее знакомы, чем другие. Например, совершенно ясно, что железные «драконы» появились в «утраченном сказании» 1916-1917 гг. «Падение Гондолина» под впечатлением от танков, впервые примененных в боевых действиях именно на Сомме, когда там был Толкин. Но война - благодатная почва для словотворчества и новых мощных «мифов» о культурах сражающихся народов; и, я полагаю, эти факторы должны были способствовать тому внезапному осознанию связи между языком и мифом, которое, как говорил Толкин, произошло у него в это время и, по его утверждению, стало ключевым для изобретения Средиземья.

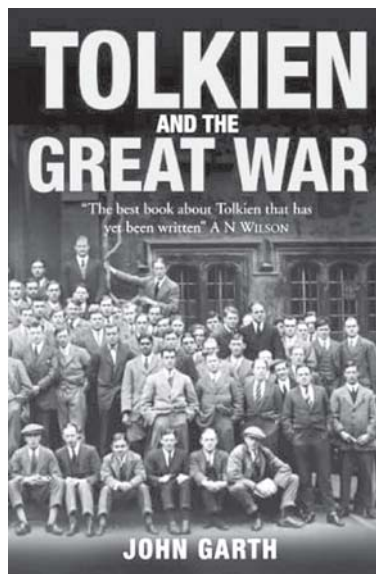
К тому же я увидел, что Толкин работал неравномерно - от одного прилива творческой энергии до другого, но даже периоды, когда он ничего не писал, могли дать ему вдохновение, в котором он нуждался. Страх, страдание, горе и ужасы войны - и при этом моменты воодушевления и героизма - разумеется, отражались в том, что писал Толкин, но я думаю, что скука военной муштры также была важна, поскольку оставляла ему время для того, чтобы пропустить все эти впечатления сквозь собственные умственные жернова. (Вспомните, как он написал первую строчку «Хоббита» на листе письменного ответа студента во время утомительной проверки экзаменационных работ).

Также я понял, насколько скрытным и замкнутым по характеру был Толкин. Даже его ближайшие друзья были удивлены, когда в 1915 г. он неожиданно предъявил свои первые мифологические поэмы. «Как гром среди ясного неба» - сказал Уайзмен; почти так же - «молния среди ясного неба» - Льюис впоследствии отозвался о «Властелине Колец». Кажется, что Толкин, хотя друзья очень хорошо к нему относились, далеко не все им открывал. Конечно, его создание цельной мифологии и языков, ей сопутствовавших, отнимало у него огромное количество времени. Если бы он не был таким скрытным, его легендарium, возможно, получил бы большее одобрение и был бы скорее напечатан - хотя выглядело бы это совсем иначе, чем то, что нам известно сейчас.

ТЛ: Обнаруживали ли Вы еще какие-либо сведения после выхода Вашей книги?

Гарт: Я нашел еще достаточно много о жизни Толкина в Оксфорде, в Эксетер-колледже, где он учился, когда разразилась война.

На обложке харпер-коллинзовского издания «Толкина и Великой войны» помещена фотография членов колледжа, сделанная буквально за считанные дни до начала войны - очень больно думать, как много этих людей потом было убито или ранено.

На конференции в Эксетере в 2005 году я сделал доклад, где подробно описывал студенческую жизнь Толкина и рассказывал о некоторых из тех, кто представлен на фото - в частности, о членах клуба «Аполаустики», созданного Толкином. Это исследование выявило, сколько же друзей и знакомых Толкина из Эксетер-колледжа погибло или было ранено на войне. Эта статья доступна в Интернете на моем сайте, www.johngarth.co.uk

Я также узнал несколько больше о Дж. Б. Смите и о других товарищах Толкина по учебе и оружию. Возможно, я смогу когда-нибудь это опубликовать - может быть, в следующем издании «Толкина и Великой войны».

Я жалею, что мне так мало удалось узнать о брате Толкина Хилари, который был с ним очень близок до последнего времени и также записался в армию. Так что я с нетерпением ожидаю выхода биографии Хилари, которую пишет Анджела Гарднер.

ТЛ: В Вашей книге Вы убедительно доказываете, что Толкин не создавал свой миф ни для того, чтобы скрыться от войны, ни для того, чтобы ее романтизировать. Война скорее придала глубину тому мифу, который Толкин уже усердно разрабатывал. Война, тем не менее, оказала сильное воздействие на толкиновскую мифологию. Каким же образом война повлияла на Толкина и его творчество?

Гарт: Как именно шло это влияние - вопрос сложный, и я на него попытался ответить в своем «Постскрипуме» - последней главе «Толкина и Великой войны», а также рассмотрел его подробнее в нескольких выступлениях на конференциях, в которых «Властелин Колец» рассматривается в аспекте военного опыта Толкина. Начать с того, что Толкин называл несколько источников влияния: например, он говорил, что образ Сэма Гэмджи возник под впечатлением от рядовых и денщиков, которых он встречал в Британской Армии. Также Толкин говорил, что его собственный интерес к историям об эльфах был пробужден войной; и он признавал, что именно военный опыт подтолкнул его к тому, чтобы сконцентрировать свой эпос вокруг постоянной борьбы добра и зла. Вот уже мы можем проследить несколько уровней влияния. Это влияние особой детали (Сэм - денщики), воздействие войны на оценку и понимание литературных произведений (волшебные истории), а также на моральные категории (добро против зла). Есть и другие пути влияния, но они слишком сложны и многочисленны, чтобы на них здесь останавливаться.

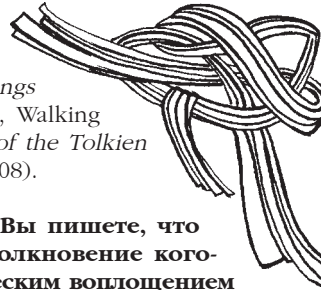
В двух словах, война воздействовала на творчество Толкина не меньше чем на творчество Уилфреда Оуэна - если говорить о самом знаменитом «поэте Великой войны»; но Толкин поступил со своими переживаниями совершенно иначе, поскольку его воображение было по преимуществу мифопоэтическим, а не «натуралистическим»: в его творческом мироощущении большую роль играл символизм, чем репортаж. Кроме того, у Толкина очень четко выявляются некоторые специфические черты жизни в военное время, особенно во «Властелине Колец» при описании хоббитов (не говоря уже об орках).

Те, кому это интересно, могут прочесть мой «Постскрипум», а также познакомиться с моими докладами «Фродо и Великая война» (Frodo and the Great War) в сборнике *The Lord of the Rings 1954-2004: Scholarship in Honor of Richard E. Blackwelder* или «Как под зеленым морем»: Видения войны на Гиблых Болотах» («As

under a green sea»: visions of war in the Dead Marshes), несколько различные версии которого публикуются в сборниках *Myth and Magic: Art According to the Inklings* (Cormarë) (ed. by Eduardo Segura and Thomas Honegger, Walking Tree Press 2007) и *The Ring Goes Ever on - Proceedings of the Tolkien 2005 Conference* (ed. by Sarah Wells, Tolkien Society 2008).

ТЛ: В Вашем анализе «Сказания о Лютиэн» Вы пишете, что «поворотный пункт повествования у Толкина - столкновение кого-то слабого, но упорного и решительного с демоническим воплощением власти и разрушения». Справедливо ли это в отношении других текстов Толкина - например, «Хоббита» и «Властелина Колец»?

Гарт: Разумеется; это центральный мотив обеих книг - потому что обе уходят корнями в определяющее для поколения Толкина переживание, когда и он, и почти все прочие молодые люди, которых он знал, были посланы вдаль от родного дома, навстречу бомбам, отравляющим газам и пулеметам.

ТЛ: В Вашей книге я прочел, что Толкин и Уайзмен сами себя называли «Великие Близнецы» (The Great Twin Brethren). Это отсылка к балладе Томаса Бабингтона Маколея «Битва у Регильского озера (The Battle of the Lake Regillus)? [поэма из цикла «Песни Древнего Рима» (1842) на сюжет римской легенды о божественных близнецах Касторе и Поллуксе, в виде юношей-всадников пришедших на помощь римлянам в битве с этрусками в 451 г. д.н.э.] Мог ли Толкин использовать ее как источник вдохновения для сцены внезапного появления короля Теодена на Пеленнорских полях?

Гарт: Да, эта фраза - безусловно, цитата из поэмы Маколея, которая вдохновила Толкина на высокопарно-пародийную «Битву на Восточном поле» (о школьном матче по регби). Я согласен, что отзвуки Маколея можно обнаружить в «Битве на Пеленнорских полях», хотя не очень ясно, намеревался ли Толкин цитировать там именно «Битву у Регильского озера». Все творцы иногда изменяют своим источникам влияния, не правда ли?

В любом случае, я сильно подозреваю, что атака и гибель Теодена, равно как и судьба Дома Молота Гнева в «Падении Гондолина», и неотвязные размышления самого Толкина об *ofermod'e Беорхтнота* из древнеанглийской поэмы «Битва при Мэлдоне» обязаны своим появлением инциденту в батальоне Толкина в июле 1916 г., когда некий офицер был осужден за то, что повел солдат за пределы объекта наступления, что привело к ужасающим людским потерям под огнем своих.

ТЛ: Можете ли Вы еще кое-что прояснить по поводу Толкина и лошадей? Я никогда не слышал, чтобы Толкин умел обращаться с лошадьми, а в Вашей книге сказано, что умел.

Гарт: Студентом Толкин, возможно, проходил учения в кавалерийском полку «Конница короля Эдварда», а не в Корпусе подготовки офицеров, как многие другие студенты. Но это скорее не из-за любви к верховой езде, а просто из-за того, что Толкин родился в Блумфонтейне, в Южной Африке. Студентов «колониального» происхождения автоматически зачисляли в кавалерию.

В своей книге я писал, что «у Толкина была сильная тяга к лошадям, которых он любил, и он научился по-настоящему их объезжать. Когда он, впрочем, объездил

одну лошадь, ее забрали и дали ему другую, и все пришлось начать заново». Теперь я чувствую, что мне следовало быть более осторожным в выводах. Этот анекдот основывается на очень кратком анонимном отчете о беседе членов Толкиновского общества (Tolkien Society) с Майклом и Присциллой Толкинами в 1970-е гг., опубликованном в одном из первых выпусков бюллетеня общества *Amon Hen*. Никаких прямых цитат об этом нет, и (как я сообщаю в примечаниях к книге) этот отчет ошибочен, по крайней мере, в одном существенном пункте - что Толкин начал военную службу в Коннице короля Эдварда. На самом деле он покинул этот полк в январе 1913 г., и через два с половиной года начал готовиться к военной службе как пехотный офицер.

Картина сделалась еще более замутненной после публикации в Интернете анекдотической истории, приписываемой Майклу Толкину, в которой создание образов Черных Всадников возводилось к одному военному инциденту с Толкином. Якобы Толкин ехал верхом и заблудился, а потом заметил группу всадников и поскакал к ним, и в самый последний момент понял, что попал на вражеские позиции, а кавалеристы оказались немцами. И они будто бы погнались за Толкином, но тот от них ускользнул. История, конечно, живая и захватывающая, с красочными деталями, но, на мой взгляд, невозможная. Хотя на Сомме были лошади, и я нашел независимые сведения о том, что офицеры из батальона Толкина иногда ездили на них по полю боя, но вероятность проскочить вражескую линию фронта на коне кажется весьма малой. Следует также заметить, что ни о чем похожем не говорится в книге *Tolkien Family Album* - правдивых мемуарах 1992 года Джона и Присциллы Толкинов.

ТЛ: Как Вам удалось получить разрешение на использование и публикацию в своей книге некоторых ранее не печатавшихся писем и рукописей?

Гарт: Я просто написал в Толкин Эстейт и попросил разрешения. Доступным оказалось не все, но и тот материал, который мне разрешили использовать, был бесценным.

ТЛ: Издательство Houghton Mifflin объявило «Толкина и Великую войну» «первой совершенно новой биографией Толкина с 1977 г.» А как Вы сами оцениваете свою книгу?

Гарт: В целом это утверждение - правда. После 1977 г. издавалось довольно много биографий Толкина, особенно во время выхода на экраны фильма Питера Джексона, но все они в основном повторяли Карпентера, дополняя его выдержками из прессы. Моя книга - первая, в которой используется материал непосредственно из рукописей Толкина, с опорой на обширное исследование других неопубликованных источников. Конечно, она фокусируется почти исключительно на периоде с 1911 по 1919 гг. - это только фрагмент жизни Толкина, так что это не совсем биография в строгом смысле слова.

ТЛ: Сам Толкин с недоверием относился к биографиям писателей, особенно к психологическим интерпретациям в этих биографиях; он мог бы сказать, подобно Киплингу: «Спросите обо мне у книг, Что оставляю вам». Повлияла ли на Вас, как на биографа, эта точка зрения Толкина?

Гарт: Претензии Толкина к биографиям вполне понятны. Совершенно внезапно этот скрытный по натуре человек обнаружил, что вызывает у всего мира огромный интерес. А «Властелин колец» был настолько необычен, что его комментаторам приходилось изрядно попотеть, чтобы найти «точку опоры», и Толкин часто замечал, что его не понимают и неверно трактуют. В то же время многие критики испытывали тягу к фрейдизму, что Толкину совершенно не нравилось.

У других просто, кажется, была короткая память - как заметил Толкин в своем предисловии ко второму изданию книги: «Конечно, нужно самому попасть в тень войны, чтобы во всей полноте ощутить ее гнет; но с годами, кажется, многие забывают, что быть застигнутым в юности 1914-м годом было не менее ужасно, чем оказаться вовлеченным в события 1939-го и последующих лет. К 1918 году все мои близкие друзья, кроме одного, были мертвы».

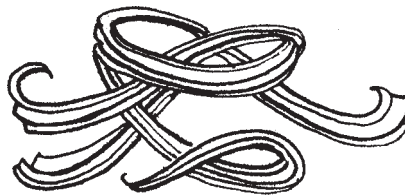
Я думаю, однако, что этот комментарий узаконивает мои изыскания в «Толкине и Великой войне». Толкин совершенно прямо указывает, что на «Властелина колец» оказал воздействие его собственный военный опыт, но подразумевает, что Первая мировая война была по крайней мере не менее важна, чем Вторая. Моим методом было исследовать постепенное становление Средиземья (как его потом назвал Толкин) на фоне того, что происходило с Толкином и миром вокруг него. Здесь появляются всевозможные удивительные параллели, и некоторые я проследил (включая те связи между жизнью Толкина и созданным им миром, на которые указывал он сам). Однако более значителен тот мощный импульс, который возник под действием изменения мира, военной службы, потери друзей.

ТЛ: Вы планируете в будущем публиковать какие-нибудь новые книги, посвященные Толкину?

Гарт: Многие, кому понравилась моя книга, говорили мне, что хотят продолжения. Возможно, когда-нибудь оно появится. И помимо взаимоотношений между жизнью и творчеством, существуют и другие аспекты, касающиеся Толкина, которые мне хотелось бы проанализировать, если будет время; может быть, в виде книги, а может, и нет.

ТЛ: Последний вопрос. Мы знаем, что по «Хоббиту» собираются снимать кино. Как Вы смотрите на экранизации книг Толкина? Или Вы предпочли бы фильм о самом Толкине?

Гарт: Несомненно, я посмотрю фильм «Хоббит», и, наверно, он мне понравится - на меня произвели глубокое впечатление другие фильмы Гильермо Дель Торо, в особенности незабываемый «Хребет Дьявола». Я не думаю, что смотреть это будет так же мучительно, как вольные фантазии Джексона, когда во время просмотра просто разрываешься между восхищением красотой видеоряда и ужасом перед чересчур свободной трактовкой толкиновского текста. Будь я режиссером, я бы более придерживался источников - хотя тут есть риск впасть в рабское копирование. Фильм о жизни Толкина? Но он будет довольно беден событиями - за исключением эпизодов о Великой войне.

Кеменкири

Древнеанглийские имена потомков Финвэ

(Размышления Глюколова со словарем)

Думаю, практически ни для кого не является секретом, что в сфере научных интересов Толкиена были такие дисциплины, как древнеанглийский язык и древнеанглийская литература. Мало того, помимо трудов сугубо исследовательских, он и сам писал иногда на этом языке тексты: например, переводил «обратно» английские загадки, сочинял шутливые и серьезные стихи... Есть среди написанного и тексты, относящиеся к Средиземью.

Рассмотрению все корпуса подобных текстов посвящены другие исследования, я же хочу обратить ваше внимание на довольно специфическую его часть, которую трудно назвать собственно «текстом» (по крайней мере, связным). Речь пойдет о списке древнеанглийских вариантов имен потомков Финве.

Возможно, части слушателей этот текст известен не целиком и не из оригинала, а, скажем, по одной из песен Анариона (куда попали лишь имена сыновей Феанора). Однако исходный список (с комментариями Кристофера) был опубликован как одно из приложений к «Квенте» 4 тома, где занимает ровно 1 разворот книги. Но информации к размышлению из них, на мой взгляд, из них можно извлечь немало, и немалой она, вероятно, была и для Толкиена, всегда уделявшего много внимания смыслу имен и названий (как нашего мира и истории, так и Средиземья).

Список этот несомненно связан с другими древнеанглийскими текстами, появившимися в те же 1930е гг. и опубликованными в 4 томе ИС. Древнеанглийские параллели отдельных имен встречаются и позже (в текстах 10 тома/1950-х гг., например), но «основной» корпус средиземско-древнеанглийских текстов принадлежит к уже указанному времени. Они как по смыслу, так и по факту являются в основном **переводами**: начала текста «Квенты», Анналов Валинора, Анналов Белерианда (не полностью). Они действительно в значительной мере совпадают с фрагментами соответствующих английских текстов (видимо, поэтому в английском издании не приведен их перевод, хотя, видимо, далеко не все читатели смогут прочитать их - так же, как не все отечественные читатели поймут «Слово о полку Игореве» без перевода; отечественное издание в этом в смысле «гуманнее» и приводит и сам текст,

и его перевод). Существует среди этих материалов и еще один список - географических названий (*и некоторых имен Ватар*), приведенный перед списком имен. Совершенно оригинальным текстом можно счесть только 4 поэтические строки о борьбе Фингона Отважного с юным Глаурунгом.

Как я уже сказала, тексты эти (за вычетом списков) являются именно переводами, но они и **заявлены** как переводы:

«Их [Анналы Валинора - К.] впервые записал Пенголод Мудрец из Гондолина, до того, как город был разрушен, а потом в Сирионской Гавани и в Тавробеле на Толэрессеа (то есть Одиноким острове), после того как Пенголод вернулся на запад. И те книги Эльфвине из Англии узрел на Одиноким Острове, когда однажды приплыл туда; и он их запомнил, как сумел, и потом перевел и записал по-английски».

(Древнеангл. текст Анналов Валинора, версия II, пер. Марии Артамоновой)

Таким образом, древнеанглийские тексты 4 тома, обретают прочную связь с историей англосакса Эриола/Эльфвине (что совсем не удивительно), и это тот случай, когда, на мой взгляд, «внутренний автор» - а точнее, «внутренний переводчик» текста, во-первых, совершенно ясен, во-вторых, может быть важен для понимания самого текста.

Собственно, сам факт *перевода* имен на иной язык для нас важен и заслуживает обсуждения. Хотя бы потому, что дальнейшее рассмотрение исходит из следующего предположения: данные имена по большей части имеют смысл и, возможно, взяты для соответствующих персонажей не только по созвучию с исходной формой.

Хотя последнее может показаться весьма вероятным. В окружающей нас действительности имена иноязычного происхождения за редкими исключениями существуют без перевода, а носитель имени редко задумывается о смысле самого слова (а не о совпадении, скажем, с именем кого-либо известного). Другое дело, если речь идет о выборе имени/фамилии/прозвища по собственному разумению.

Если мы обратимся к древнеанглийским именам (и шире - древнегерманским), то ситуация будет следующей. С одной стороны, двусоставные имена (к которым принадлежат большая часть представленных ниже) составлялись из двух корней, таким образом получалось словосочетание из двух слов, значение которых слушателям было понятно (и чаще всего имело военно-героическую окраску). Но сами имена создавались не только «по смыслу», но и по иным принципам (например, в имени сыновей мог повторяться один из элементов имени отца - и т.д.). Поэтому, например, в качестве доказательства историчности святой Фридесвиды (покровительницы Оксфорда, которую мы еще упомянем далее) один из исследователей приводит как раз то, что ее имя «не имеет какого-то особенного смысла».

Наконец, вспомним ситуацию в эльфийских языках. Само имя выбиралось как раз индивидуально, не повторяя одно из существующих. Среди них (похоже, особенно в именах ранних времен) были примеры, «не имеющие смысла», но большинство известных нам примеров смыслом все же наделены. Впрочем, стоит вспомнить еще и процесс синдаризации квенийских имен Нолдор Исхода. Как мы знаем, многие из них синдаризировались как раз «по звучанию», но не по значению, и полученный результат непосредственно смысла не имел, а смысловая фраза переводилась бы иначе. Но «в исходнике» все же стояло квенийское имя, наделенное тем или иным значением.

Таким образом, ситуация с возможностью осмысленности имен не однозначна - как в древнеанглийском, так и в эльфийском контексте. Главным аргументом,

вероятно, может стать разбор самих имен. Пока же обратим внимание еще на одну аналогию. Это еще один список, приведенный перед этим. В основном в него входят географические названия, также переведенные на древнеанглийский, но не только они: здесь также можно найти имена основных Валар, одно валарское прозвище, одного дориатца, троих людей и два обозначения тварей Моргота. Остальное (примерно 2/3 списка) - действительно географические названия, как валинорские, так и белериандские.

Если попытаться разбить их на группы по способам перевода, мы получим два примерно равных по числу случаев варианта и третий, менее популярный:

- строго по смыслу, но совершенно не «по звучанию»
- по звучанию и в целом близко по смыслу
- по смыслу, но не вполне точно.

(Есть также не очень понятные случаи, но в меньшинстве - и как раз по звучанию они на исходники непохожи).

Таким образом, мы видим, что в любом варианте присутствует какой-то **смысловой** элемент, который может быть напрямую связан с квенийским/синдаринским именем, а может - с самим объектом, но **только звучанием** дело ни разу не ограничивается.

Поэтому я собираюсь предположить, что даже если **часть** имен списка похожа на исходные по звучанию, то это вовсе не обязательно означает, что Толкиен «просто подобрал близкое по звучанию древнеанглийское имя», как предполагает Кристофер (в случае с Келегормом).

Здесь надо сказать, что комментарий Кристофера к именам, поначалу довольно подробный, резко уменьшается в объеме еще в середине списка сыновей Феанора, а из прочих потомков Финве он откомментировал только отдельные имена или их части. Почему это сокращение совпадает с границей страниц - вопрос неясный. Но неполнота комментария дает мне право и возможность комментировать список далее, несмотря на познания в древнеанглийском языке, намного меньшие, чем у Кристофера.

При поиске переводов и смыслов использовались прежде всего словарь древнеанглийского языка и монография Т.В. Топоровой о древнегерманских именах.

Засим хотелось бы перейти к самим именам, а затем - суммировать некоторые закономерности - и возможные направления изучения списка.

Сразу хотела бы сказать, что переводы элементов имен - в данном случае (по возможности) вещь точная, а вот интерпретация смысла и его связь с характерами и биографией персонажей - это скорее мои сугубо субъективные предположения.

Для начала скажем, что в списке потомков Финве как-то не упомянут... сам Финве. По крайней мере, сам по себе. Зато в составе имен и одного из названий Нолдор - *Finningas* встречается элемент "*fin(n)*". Его, вероятно, и следует считать формой имени короля (хотя и формой «со звездочкой» - учитывая притом, что она, «загадочно» совпадает с *номской* (аналог более поздней синдарской в данном случае) формой этого имени. В древнеанглийском эпосе существовало имени того же звучания (см., например, «Финн и Хенгест»), уходящее в порядочную древность и явной этимологии не имеющее. Как мы помним по более поздним текстам, и само имя

«Финве» в Квенёе в дальнейшем считалось смыслового значения не имеющим, - как и некоторые другие имена эльфов тех ранних времен.

Поэтому в дальнейшем мы не будем искать элементу «фин-» этимологию (например, finn - «куча»), а считать его именно «династическим» и означающим Финве или принадлежность к его роду. Причем любопытно то, что если в квенийских формах, как мы помним, «-финве» было вторым элементом многих имен, то здесь - первым. Этот принцип соблюдается в именах **всех** детей Финве, а также наиболее последовательно - в именах семейства Финголфина, с которых я и хотела бы начать наше рассмотрение, перейдя затем к потомкам Финарфина, а к более известным именам феанорингов вернувшись напоследок.

Второй сын Финве носит имя **Fingold Fengel**.

Fengel - король, принц (на что указывает и Кристофер; вспомним Тенгеля роханского, да и Тенгиля из «Братьев Львиное Сердце» - тоже).

-*gold* корень, понятный нам по звучанию - «золото». Почему именно так? Возможно ли, что имя - только звукоподражательное? Вот любопытный момент: в упоминавшемся списке названий народов одно из имен Нолдор - *Goldelfe* «эльфы золота». «Золотыми» они называются и в перечислении названий эльфийских народов в тексте «Квенты Сильмариллион». Если предположить, что в данном случае «золото» - это указание на Нолдор, то получится, что *Fingold* - это перевод имени «Нолофинве» и по значению, и по звучанию - в исходном варианте повторяется другой общий для народа и короля корень, указывающий на мудрость, а не на золото (только вот сама форма Нолофинве тогда еще не появлялась в текстах!).

Перейдем к его детям.

Фингон - Finbrand. В этом списке соответствия его прозвищу «Отважный» нет, хотя оно появляется в небольшом древнеанглийском стихотворном отрывке тех же времен (и я упомяну это слово ниже).

-*brand* - слово многозначное, основное его значение «меч», вполне понятный элемент в имени этого достаточно героического персонажа (и нередкий - в германских именах). Но также оно может означать и «пламя» (вспомним брандмауэр и брандмейстера).

Сочетание «меча» и «пламени», впрочем, наводит и на другие, недоказуемые мысли - о Нирнаэте, где был, скорее всего, и меч (которым сражался Фингон - иное оружие было бы специально отмечено), и «белое пламя» из разрубленного шлема...

Интересно, что у Фингона в этой генеалогии есть сын. (В материалах 5 тома (генеалогии и «Этимологии») - отмечен сын Фингона по имени Финдобар - однако данный список, возможно - более ранний текст.). Его имя, **Fingar**, составляет хорошую ассоциативную пару с отцовской: *gar* - «копье».

(А ведь о знаменитом копье Гил-галада мы узнаём гораздо позже, даже, строго говоря, уже при иной его родословной... Да и сам Гил-галад - с какой бы то ни было родословной - появляется позже, хотя и ненамного, еще до ВК.)

Но вернемся к детям Финголфина:

Тургон - Finstan.

-*stan* - «камень», совершенно ясно, что речь идет о каменном городе Гондолине, соответственно, Кристофер Толкиен указывает, что элемент «-гон» в имени «Тургон»

должен таким образом (на данном этапе развития текстов Толкиена) обозначать именно «камень».

В квенийском имени (появившемся и обоснованном позже), как мы помним, это не так, поэтому, глядя «изнутри», мы могли бы сказать, что древнеанглийский вариант образован не просто от «номского»-синдаринского имени, но и после того, как его постигла «вторичная этимология» от имени города: «Турукано» и «Ондолинде» звучат совершенно непохоже, а вот «Тур*гон*» и «Гон*долин» - вполне (ср. приключение имени Галадриэль между корнями со значением «сияние» (первично) и «дерево» (вторично)).

Дочь Тургона, Идриль: **Ideshild Silfrenfot.**

Проще всего с тем, что и здесь, и в исходном варианте является прозвищем - здесь просто переведено, не по звучанию, но точно по значению прозвание «Среброногая».

Не настолько все ясно с именем, хотя в нем использованы 2 корня, казалось бы, довольно простых значений: *ides* - «дева, госпожа», *hild* - «война, битва». Первый корень удивления не вызывает - в отличие от второго: никакой особой воинственностью Идриль не отличалась, ее деяния в истории падения Гондолина хотя и требовали смелости и силы духа, но не были именно *воинскими*... Словарь дает нам любопытную версию: *hild* может быть вариантом написания слова *hield* «охрана, защита, верность, тайное место» - что подходило бы в данном случае больше (и содержало бы, пожалуй, аллюзию на гондолинский тайный ход - и не только на него). Однако следует заметить, что в именах и других составных словах древнеанглийского языка элемент *hild*- все же чаще всего употребляется в значении «битва». Не добавляет ясности и предполагавшееся в те времена Толкиеном значение ее имени в эльфийских языках: имя «Идриль» связывалось тогда со словами, имеющими значение «думающий, мудрый».

И наконец **Аредель**, в то время в текстах именовавшаяся **Исфин: Finhwit.**

-hwit - «белый», здесь мы снова видим перевод прозвища Белой Госпожи Нолдор (в текстах того времени оно приводилось на английском, позже появился вариант Ар-Фейниэль).

Обратимся и к именам ее семейства, приведенным здесь же.

Эол - Eor, и здесь все просто: ни в древнеанглийском (судя по всему), ни в одном из языков Арды этому имени никакого значения не придается.

В отличие от имени **Маэглина: Manfrith.**

Здесь мы снова встречаем «значимые» корни, на которые в данном случае указывает и Кристофер: *man* - «злое дело» (а также «злодей» и прилагательное со значениями «плохой», «фальшивый» и т.д.), *frith* - «мир» (как отсутствие войны). Здесь, на мой взгляд, несмотря на некоторую неясность, все же определенно прослеживается значение, связанное с личностью Маэглина: в виду может иметься либо «дурной мир» как его душевное состояние, либо (возможно), тот «фальшивый мир», который царил в Гондолине несколько лет после предательства города Маэглином, когда падение города было уже неизбежно, но ничто не говорило жителям о его приближении.

(В древнегерманском материале основным значением этого корня было «защита». В таком варианте все не менее логично: воистину, «дурной защитой» оказался принц Маэглин Гондолину и его жителям...)

На этом мы завершаем рассмотрение потомков Финголфина и переходим к Третьему Дому Нолдор.

...Где, как мы знаем, имя «Финрод» довольно долго (вплоть до первого издания ВК включительно) относилось к Финарфину. И здесь мы также застаем его под фонетически похожим именем **Finred Felanoth**.

В имени мы снова видим «династический элемент», а также корень *-red*: «совет, мудрость, помощь». На мой взгляд, весьма подходящий корень, вне зависимости от созвучия с именем «Финрод», впоследствии перешедшим к его сыну, вспомним, что третий сын Финве выделен среди братьев именно «красотою и мудростью сердца» уже в текстах этого же времени («Наброске мифологии» и «Квенте»).

Этот элемент имен нам еще встретится, как и первый элемент прозвища *fela* «много». Чем же в избытке обладает Финарфин, по мнению составителя списка имен? Перевод оказывается довольно неожиданным на первый взгляд: *noth* - смелость».

(...По-моему, нужно быть *очень* мудрым, чтобы дать это прозвище Финарфину, вернувшемуся в Валинор искать прощение себе и соплеменникам - часто в его поступке видят что угодно, но не смелость и не мудрость...)

Интересно, что именно элемент «много-» в прозвище оказывается общим в имени отца и старшего сына, названного здесь **Inglaf Felahror**. Интересно, что в текстах того времени он поначалу появляется только как «Фелагунд», а промежуточная на пути к «Финроду» форма «Инглор Фелагунд» впервые появляется именно в **древнеанглийском** тексте Анналов Белерианда!

«Инглаф» явно напоминает об Инглоре. Что же может означать это имя?

В отношении первого элемента я снова предполагаю «династический элемент», обозначающий на этот раз Ингве, а шире - его народ, Ваньяр. Во-первых, у нас снова нет какого-то хотя бы относительно подходящего по значению элемента... кроме зафиксированного в исландских именах элемента, который может указывать также на древнего персонажа *по имени* Инги (об истории которого известно довольно мало). Кроме того, форма «Инг» встречается, как и «Финн», в ранней версии текста «Квенты», а в уже упоминавшемся перечне древнеанглийских названий трех эльфийских народов мы находим Ваньяр в частности как Ingwine («друзья Инга/Ингве»). Появление этого элемента, я полагаю, достаточно объяснимо именно среди потомков Финарфина, особенно в лице его старшего сына: «ваньярская» составляющая, пожалуй, наиболее ярко проявилась именно в этой ветви семейства Финве (но об этом говорится снова в более поздних текстах - вспомним, что об истории двойного брака Финве в те времена еще ничего не известно!)

Перейдем ко второму элементу имени. - *laf* связано с глаголом «оставлять, оставаться» и отсюда может происходить два едва ли не противоположных значения:

- «оставляющий кого-то/что-то»
- «то, что осталось/тот, кто остался», - в частности «выживший» или «наследник».

(Именно в последнем смысле упоминает Толкиен этот элемент в имени Фреалаф («наследник лорда») в работе «Финн и Хенгест», где оно действительно относится к одному из сыновей Финна, выжившему после распри, в которой погиб отец и другой его сын. В книге Т.В. Топоровой, несмотря на примечание о втором значении, то же имя переводится как «оставляющий лорда»).

Какой из смыслов стоит признать значимым в данном случае? Толкиновское упоминание в «Финне и Хенгесте» склоняет нас в сторону «наследника»; впрочем, интересно заметить, что второе значение также имеет (параллельный?) смысл - отправляясь в Исход, Финрод действительно покидает Ингве и его народ (опять же напомним, что история Амариэ из Ваньяр появится в текстах гораздо позже...).

Обратимся к прозвищу Финрода: Кристофер указывает, что оно имеет «то же» значение, что и прозвище его отца - «очень смелый». Это действительно так, и значение это здесь совершенно уместно. Впрочем, один любопытный нюанс - *hlor* помимо «смелости, силы», имеет также значение «деятельный, занятый»... что на мой взгляд, также весьма уместно описывает деятельность Финрода в те времена, когда не требовалось проявление именно «смелости».

(Интересно, что это же слово относится к Фингону в уже упомянутом стихотворном отрывке - но там не вполне ясно, прозвище ли это («Фингон Отважный») или просто эпитет («отважный Фингон»)).

Следующий сын Финарфина, **Ородрет**, получает в древнеанглийском варианте имя **Ordred**. Здесь мы видим уже знакомый корень «-red» «мудрость, совет». Первый же элемент слова - довольно распространенный в германских именах корень, его основное значение - «копье». Я думаю, сочетание этих двух корней довольно неплохо передает сочетание дел «войны и совета» в жизни второго сына Финарфина.

Этот же элемент наследуют два его сына: **Ordhelm** и **Ordlaf**. Напомню, что упоминания о сыне Ородрета Халмире, «охотнике», убитом (вариант: повешенном) орками, встречаются во многих текстах - от «Лэ о детях Хурина» до «Серых Анналов».

В одной из ранних версий эльфийских генеалогий (опубликована в 5 томе, Приложение) упомянут и второй сын, Ородлин. Сведений о его возможной судьбе у нас нет.

Как мне кажется, отцовский «военный» элемент здесь вполне уместен (имея в виду не вполне мирную жизнь Белерианда и известную нам судьбу старшего сына), а вторые элементы, во-первых, несут определенное фонетическое сходство с их синдаринскими именами, во-вторых, могут сказать что-то и о судьбах самих братьев.

-*helm* «шлем», еще один частый в германских именах «военный» элемент, продолжает в имени старшего «военную» тему, что в целом согласуется с тем немногим, что мы знаем о его судьбе.

Если предположить, что второй (вероятно, младший) сын пережил первого, то также объясним элемент *-laf* в значении «наследник». Другой вариант значения того же корня, «копье оставляющий» можно в принципе связать с отказом Нарготронда от открытой войны после ухода Финрода.

Но истории сыновей Ородрета позже исчезли из тестов (они не упоминаются в том же «Нарн и Хин Хурин» вовсе, в «Сильмариллион» упоминания о них также не попали).

Гораздо более известна его дочь, **Финдуилас**, здесь - **Frithuswith Fealuleome**.

К труднопроизносимому имени мы вернемся чуть позже, прозвище же опять более понятно, и является, собственно говоря, переводом *прозвища* Failivrin (хотя и с некоторой вольностью - ведь в нем нет упоминания именно об озере Иврин). Кристофер указывает как «возможный» перевод «золотой свет». Первый элемент может также переводиться как «сумрачный, неяркий», так что, возможно, речь идет именно об «отблеске» света (без указания на малопонятное носителю древнеанглийского языка озеро Иврин).

Обратимся теперь к имени. О нем мы, как ни странно, уже упоминали в начале доклада - приводя как аргумент одного из исследователей в пользу «бессмысленности» древнеанглийских имен святую **Фридесвиду** Оксфордскую (таков русский вариант произношения этого имени).

Это весьма любопытный случай прямого совпадения с именем исторического лица, да еще из столь небезразличных Толкиену мест.

По легенде святая, желая вести монашескую жизнь, отказалась от брака с сыном правителя-язычника, но он все же нашел ее в уединении, однако тут же ослеп - и исцелился уже по ее молитве и оставил свои намерения; она же основала в Оксфорде монастырь...

Нужно ли искать биографические совпадения в жизни двух женщин? Я не уверена в этом и хочу заняться только значением имени.

Первый элемент - уже знакомое нам «мир», *swith* же означает - «сильный, могущественный».

«Сильная миром» - т.е., возможно, миролюбивая, мирным характером, способностью примирить - мне кажется, здесь вполне можно увидеть такое значение. Мы можем сопоставить его с ситуацией возвращения Гвиндора в Нарготронд, когда именно «мирная» Финдуилас смогла повлиять на решение отца, и Турин и его спутник были приняты в городе. (Снова упомянем про вариант значения «защита», «защитой сильная», - и в той же самой сцене она действительно выступает **в защиту** Гвиндора).

Имена двух младших сыновей Финарфина, пожалуй, не менее сложны для интерпретации, чем имя Идриль. Надо сказать, что к этому времени Профессору было известно о них достаточно немного, мало того, в то время существовала позже отброшенная версия, что они дружили с сыновьями Феанора и отплыли вместе с ними в Белерианд на кораблях.

Ангрод - Angel. Казалось бы, перед нами довольно очевидное слово (только вот «ангела» он ни по характеру, ни как-то иначе вовсе не напоминает). Но не станем торопиться.

Прежде всего любопытно, что это одно из немногих НЕдвусоставных имен в списке. (Такими могли обозначаться либо незнатные, либо *очень* древние персонажи). Вот что можем прочесть в словаре по поводу «очевидного» слова:

- 1) угол, крюк, рыболовный крючок
- 2) (с основным написанием engel¹) - ангел, вестник
- 3) «Англен, район в Шлезвиге, откуда пришли Англы»

Безусловно, мы можем сразу отбросить третье значение (которое, возможно, связано с первым - если имеется в виду «угол» между реками - ср. Угол, место, где жили Дунедайн после падения Арнора).

За сам «крючок» нам тоже, пожалуй, не особо удастся зацепиться...

А вот во втором варианте любопытно значение «вестник» - вспомним Ангрода-вестника в Дориат... Впрочем, это снова сюжет, возникающий в гораздо более поздних текстах, но такие случаи мы уже встречали в данном списке. Впрочем, в том, что имеется в виду именно это значение, у меня все же нет полной уверенности.

Аэгнор - Eangrim, возвращаемся к двусоставным именам. (~~Но легче нам от этого не становится~~). Дело в том, что значение корня Eap- исследователям точно неизвестно. Возможно, это лишь вариант Ead- (исходно «богатство», затем также появляюстя значения «счастье, удача»), но есть и другие точки зрения, покуда недостаточно мною изученные.

Второй элемент более однозначен по крайней мере по тому корню, к которому относится. На уровне общегерманских имен его основное значение - «маска», предмет, который мог использоваться в военных или религиозных действиях.

Что подтверждают слова, связанные с этим корнем в древнеанглийском: grīma (вспоминаем имя уже не из Первой Эпохи!) - «маска, шлем», а с другой стороны - «призрак».

И, возможно, я слишком осовремениваю слово, но при попытке сложить некое связанное значение эта «маска счастья» (удачи? все же первоначальное «богатство» мне кажется вряд ли актуальным) - это видимое счастье, которое на самом деле не таково, - невольно вызывает у меня мысль об истории любви Аэгнора, известной нам по «Атрабет»... Думаю, не надо и напоминать, насколько позже списка имен появились и этот текст и эта история.

Даже если предположить, что имя было составлено во времена, когда о самом Аэгноре было ничего не известно, получается, что оно оказалось в известной степени «пророческим»!

Впрочем, «счастья шлем» может означать и просто счастливого/удачливого воина.

На этом мы заканчиваем с Третьим Домом, но прежде чем вернуться обратно к Первому, встретим еще одного персонажа:

Finrun Felageomor, четвертый ребенок Финве.

Строго говоря, Кристофер не указывает, какого именно пола ребенок, но вопрос это практически решенный: gup - «тайна, руна (как тайный знак), совет (тоже, видимо, тайный)» - слово женского рода, и все известные германские имена, оканчивающиеся на него, тоже (вспомним Гудрун). Так что речь, вероятно, идет о дочери. Что вроде бы неудивительно: у Финве по одним текстам можно насчитать 2, по другим - 3 дочери, новых сыновей ему нигде не добавлено... Но вновь обращая внимание на то, **насколько** позже появились все эти тексты!

До этого идеи *какого-то еще* (кроме трех сыновей) ребенка Финве не видно нигде: ни в текстах, ни в генеалогиях (где есть, например, второй сын Ородрета и разные варианты детей Фингона). Так что мы не можем ничего сказать о том, что *именно* знал тогда Толкиен о Финрун, и здесь значение «тайна Финве» подходит, пожалуй, больше всего!

Но если все же разбираться с появившимся позже дочерьми, то нам может помочь прозвище: *Felageomor* - «Очень печальная». Кристофер обращается к «Шиболету», комментируя данный список, обратимся и мы:

«Имя Финдис было создано сложением имен ее родителей. Немного говорится о ней в «Сильмариллионе» [От Мышь: В «Сильмариллионе» о ней не говорится вообще ничего!]. Она не ушла в исход, а после убийства Финве удалилась со своей матерью, **и они жили среди Ваньяр в печали** до того дня, когда Манве решил, что настало время вернуть Финве к жизни».

Теперь же мы наконец вернемся к началу списка, к Феанору и его сыновьям. Здесь комментарии Кристофера (особенно о самом Феаноре и двоих старших) были наиболее подробны, и нам остается прокомментировать то, что осталось вне его внимания.

Пожалуй, нечего добавить к именам самого Феанора: **Finbros** соединяет «генеалогическое» Фин- и отсылку к мифологическому ожерелью Бросингов/Брисингов, Аллюзию дополняет прозвище - «Создатель самоцветов». Кстати, семейство Феанора отличается тем, что прозвища здесь есть у **каждого** персонажа (и только близнецам осталось одно на двоих). Кроме того, упоминается и некое общее фамильное прозвище - **Yrfeloran** - собственно перевод встречающегося в текстах «Лишенные Наследия». Это «коллективное» прозвание ближе скорее к вариантам названий 3х эльфийских народов приведенных выше списков - таким образом, Феанор и его потомки (и их последователи?) образуют своеобразный «субэтнос» среди Нолдор (что, учитывая их историческую судьбу, неудивительно).

Двое старших сыновей также удостоились подробного комментария Кристофера, нам остается уточнить только отдельные моменты.

Имена «**Дейред**» и «**Деймунд**» (sic!) составляют очевидную пару, прозвища братьев (**Winsterhand** «Левша»; **Swinsere** связано с глаголом «играть (на музыкальных инструментах)») легко связываются по смыслу с их судьбами, а вот имена перевести не так просто.

Интересно, что в материалах по германским именам отмечено имя содержащее корень «день» и уже знакомый нам «-ред» - «совет», оно не вполне понятно переводится «дня совет (имеющий)» («дня советник») - имя это зафиксировано в нескольких германских языках - но не в древнеанглийском!

Возможно, потому, что там существует омонимичное ему, но отличное по смыслу (и, вероятно, происхождению второго элемента) слово daegred, «рассвет». Именно к этому значению и обращается Кристофер, ища объяснение в гораздо более позднем «Шибболете».

Интересно, что несколько раньше «Шибболета», в Анналах Амана, это слова возникает вновь, но... уже как древнеанглийский перевод имени «Ариен»! (в тексте Анналов были сделаны несколько сносок с переводами отдельных имен, помеченные «Э.», то есть «Эльфине»).

Имя «**Деймунд**», «дня защиту (имеющий)» («дня защитник») в древнеанглийском языке встречается. С точным его переводом я затрудняюсь, но и явная связка со старшим братом, и идея «защитника» с характером Маглора вполне согласуются.

Келегорм - Cynegrim Faegerfeax. Посмотрим сначала на прозвище, тем более, что о его смысле Кристофер

высказался, а вот имя посчитал «возможно... несколько похожим по звучанию» и только.

Прозвище Кристофер переводит как «светловолосый», внося, таким образом, еще один аргумент в дискуссию о цвете волос Келегорма. Однако нужно отметить, что по крайней мере словарь дает для первого элемента **только** значение «прекрасный, привлекательный».

Перейдем теперь к имени. *-grim* («маска; шлем (с маской?); призрак») нам уже встречалось. Что же касается *суне-*, то в древнеанглийском существует немало слов (не имен!) с этим элементом, где он имеет четкое значение «королевский, относящийся к королю». Интересно, что среди них есть и слово *сунехелм* (буквально «королевский шлем») со значением «корона, диадема» (и в переносном смысле - «королевская власть»). Если считать, что *-grim* может обозначать не только шлем с маской, но и вообще шлем, эти слова оказываются синонимами. При этом прозвище могло иметь и сугубо «описательное» значение («корона» светлых волос, похожая на золотую или серебряную корону) - тогда мы получим все же еще один аргумент в пользу светловолосого Келегорма...

Но можно поговорить и о «метафорическом» значении, о власти - вспомним перипетии «Лэйтиан», где братья собираются захватить власть в Нарготоронде. Сюда, возможно, могло бы подойти и исходное значение слова: «маска короля» - как тот, кто принимает вид короля, но на самом деле (по праву) им не является.

Так что, на мой взгляд, какую версию ни выбери, речь в любом случае идет не только о сходстве по звучанию...

Cyrefinn Facensearo (имя, также получившее некоторую известность в Сети в недавние времена - из-за прозвища). Прозвище здесь - совершенно ясное по значению и малопривлекательное по нему же: «Предательство» (а не «предатель», кстати!). Это существующее в древнеанглийском языке слово, с однозначно «дурным» значением (в отличие от одного из его компонентов, *-searu*, которое может означать «хитрость, искусство» как в хорошем, так и в дурном смысле).

Любопытно и имя (где на первый взгляд снова можно усмотреть только фонетическую похожесть). Во-первых, здесь *единственный раз* после Феанора появляется «фамильный» элемент «Фин-», причем как второй элемент. Объединяя, таким образом, Куруфина не только с дедом, но и (что тоже естественно) с отцом. (Кстати, заметим, что с Келегормом его объединяют общие начальные буквы имени и прозвища).

Суте- тоже элемент вполне значимый, «выбор, свободная воля». Не хотел ли составитель/переводчик списка указать этим на то, что именуемый «Предательством» таковым не родился, а стал по собственной воле и собственному осознанному выбору?

(Интересно, кстати, что, «припечатав» таким образом Куруфина, Келегорма в этом смысле составитель не то вовсе не отметил, не то обошелся с ним гораздо мягче. Вспоминается авторская заметка к Лэйтиан о том, что именно «Куруфин вложил злые мысли в сердце Келегорма»...)

Карантир - Colthegn Nihthelm. Хотя прозвище (лично у меня по крайней мере) вызывает неизбежную

мысль о ком-то, не имеющем шлема, означает оно совсем иное, «покров ночи», это слово употребляется в «Беовульфе» и других образцах древнеанглийской поэзии, а в 4 томе ИС двумя страницами раньше использовано для перевода названия Таур-ну-Фуин (как один из вариантов; там эта «Ночная Тень» имеет дополнительное определение «Злая»). Очевидно, прозвище соответствует исходному прозвищу «Темный».

Имя тоже вполне осмысленное (кстати, начальная буква - снова общая с «двумя К», вот с прозвищем эта закономерность не сохранилась!). *Col*, как указывает Кристофер, - уголь, причем не «каменный уголь», не намек на минеральные богатства Голубых гор, - а уголь горящий, из очага. *Thegn* - слово, исходно обозначавшее «слугу», а потом Тан/тэн - это все же представитель знати (вспомним тех же танов из «Макбета»). Итого, что-то вроде «Князь-пылающий уголь», может соответствовать и Карантиру-«Краснолицему», и взрывному характеру данного эльфа.

Амрод и Амрас - а точнее, в те времена в текстах - **Дамрод и Дириэль**, - в данном случае **Deormod и Tirgeld**, с общей пометкой «**huntan**» то есть охотники - слово написано с маленькой буквы, но, по аналогии со всеми прочими вариантами, видимо, также входит в категорию прозвищ. Оно общее на двоих, соответствует известной о них информации - но эльфийского варианта этого прозвища у нас нет. (Информация о прозвищах со значениями «Первый рыжий» и «Второй рыжий» появилась только в материалах времен «Шибболета», но в публикацию 12 тома не попала и была опубликована позже, в «Виньяр Тенгвар»).

Имена их очевидно созвучны «исходным именам», вполне осмысленны (Кристофер вновь приводит полные переводы - «Храбрый духом» и «Достойный славы») и сочетаются с персонажами-охотниками, при этом отличаясь по смыслу от перевода самих имен Дамрод и Дириэль (первое в Этимологиях переводится как «кующий медь» - сравним с Макалаурэ-«кующим золото»! - а Дириэль - «радостно кричащий»). При этом, сохраняя созвучие, переводы не сохраняют в данном случае общую первую букву имени.

* * *

На этом я завершаю обзор списка древнеанглийских имен потомков Финве.

Его, как вы сами убедились, можно считать только первым подходом к теме (после комментариев публикатора), и многие проблемы еще ждут своего решения. (Так же, как и детальное рассмотрение списка географических названий (и некоторых имен), приведенного перед ним).

При этом уже на данном этапе можно сделать некоторые выводы - а также обозначить нерешенные проблемы им направления для дальнейших исследований.

* большинство имен осмысленны. «Бессмысленные имена» принадлежат либо персонажам древнейшего поколения (Ингве, Финве), либо «темного» происхождения (возможно, также довольно древнего - Эол). Имя «Эол» никогда не имело этимологии, в более поздних текстах появляются указания на «непереводимость» таких имен, как «Финве».

* в большинстве случаев мы также можем говорить не о подборе ближайшего по звучанию древнеанглийского имени, а об определенном соотношении его с персонажем - или с его исходным именем, или с достаточно яркими деталями характера или биографии. «Невыясненный» смысл имен может в ряде случаев быть всего лишь недоисследованным - в том числе и по причине незнания о различных штудиях и предположениях Толкиена в древнеанглийском языке².

* Список имен очевидно написан в 1930х годах, соответствуя тогдашней степени развития текстов (имена Дамрод и Дириэль, Финрод-Финарфин и Инглор Фелагунд-Финрод; присутствие двух сыновей Ородрета и отсутствие таких поздно появившихся

персонажей, как Галадриэль, Келебримбор и тем более Аракано, Лалвен, а также «новой генеалогии» Гил-Галада»). При этом в нем присутствует немалое количество «прорывов» в те же поздние тексты, часть из них сугубо предположительна, другая имеет более твердые основания, а традиция поиска информации в текстах последующих лет начата непосредственно Кристофером. Это весьма характерная особенность данного текста, отличающая его, пожалуй, от всех прочих толкиеновских текстов.

* Так же, как список квенийских и синдаринских имен и прозвищ персонажей, известный по «Шибболету», многое добавляет к образам соответствующих персонажей, думаю, и данный список может внести определенные дополнения. Любопытно также задаться вопросом о «точке (или точках?) происхождения» этих имен, во многих случаях это не перевод тех, что позже стали известны как материнские, отцовские или избранные имена персонажей. Многие из них привязаны к определенному периоду и событиям - в особенности речь идет о прозвищах (Финголфин как «Король»; прозвище Куруфина), но и об именах также (Тургон-Финстан, Маэглин-Манфрит). Интересно понять, собирается ли здесь некая целостная картина, или речь идет о сочетании нескольких пластов?

* Также интересен (хотя вряд ли однозначно решаем) еще один вопрос, связанный с предыдущим. Самим древнеанглийским языком список имен привязан к истории англосакса Эльфвине, его ознакомлением с историей эльфов и сохранением ее в своих переводах. Интересно, чей взгляд в данном случае мог воплотиться в списке - самого Эльфвине, человека, постигающего историю эльфов «со стороны» и таким образом оценивающего ее - или взгляд его информатора (информаторов)? И кем могут быть последние?

Так что есть надежда, что список имен, занимающий вместе с комментариями всего 2 страницы книги, может таить в себе еще немало интересного и ценного.

В заключении хотелось бы поблагодарить тех, без кого это исследование было бы совершенно невозможно:

Дирфиона - за организацию группы по изучению древнеанглийского и возможность приобрести словарь;

Орхала - за обучение языку, а также консультации по теме доклада;

Алтара - за консультации.

Примечания

¹ Вспомним строку об Эаренделе: Eala Earendel, **engla** beorhtast, ofer middangeard monnum sended ...

² Характерный пример: в текстах 10 тома встречается упоминание матери Феанора как Byrde Miriel, первое слово Кристофер переводит как др.-англ. «вышивальщица». В предисловии к 11 тому он уточнил, что такое слово в древнеанглийском языке не зафиксировано, но Толкиен **предполагал** его существование, истолковывая значение одного из слов среднеанглийского языка. В отношении списка имен вспомним, что прозвище Маглора, хотя и основано на известном корне, в качестве самостоятельного слова не зафиксировано; как и «коллективное прозвище» Yrfeloran.

Наша статья - первая часть работы по одежде племен и народов Арды. Мы задались целью реконструировать взгляды Толкина на костюм своих персонажей с опорой на тексты и рисунки. Непростая, но, как постараемся показать, далеко не безнадежная задача. «Неразрешимый вопрос о штанах Арагорна» неплохо решается на основе толкиновских текстов - можно даже сказать, как выглядели эти штаны!

Статья посвящена одной частной проблеме (штаны в костюме народов Арды). На этом примере мы покажем, как в будущем можно решить вопросы, связанные с реконструкцией материальной культуры в литературном мире. Ключ к артефактам - терминология, исследование слов проливает свет на мир вещей.

Как одевались жители Средиземья? Толкину однажды пришлось отвечать на этот вопрос (письмо Роне Бир).

“I do not know the detail of clothing. I visualize with great clarity and detail scenery and ‘natural’ objects, but not artefacts. Pauline Baynes drew her inspiration for *F. Giles* largely from mediaeval MS. drawings - except for the knights (who are a bit ‘King-Arthurish’)* the style seems to fit well enough. Except that males, especially in northern parts such as the Shire, would wear breeches, whether hidden by a cloak or long mantle, or merely accompanied by a tunic.

I have no doubt that in the area envisaged by my story (which is large) the ‘dress’ of various peoples, Men and others, was much diversified in the Third Age, according to climate, and inherited custom. As was our world, even if we only consider Europe and the Mediterranean and the very near ‘East’ (or South), before the victory in our time of the least lovely style of dress (...) The Rohirrim were not ‘mediaeval’, in our sense. The styles of the Bayeux Tapestry (made in England) fit them well enough, if one remembers that the kind of tennis-nets [the] soldiers seem to have on are only a clumsy conventional sign for chain-mail of small rings.

*Sc. belong to our ‘mythological’ Middle-Ages which blends unhistorically styles and details ranging over 500 years, and most of which did not of course exist in the Dark Ages of c. 500 A.D.” (Letters:280 f.)

«Про одежду я ничего не знаю. Я отчетливо и во всех подробностях представляю себе пейзажи и «природные» объекты, но не артефакты. Полин Бэйнс черпала вдохновение для «Ф. Джайлса» главным образом из иллюстраций к средневековым рукописям - если не считать рыцарей (они слегка «король-артуровские*»), данный стиль, на мой взгляд, в картину вполне вписывается. Не считая того, что мужчины, особенно в северных краях, как, например, в Шайре, носили штаны, либо под плащом или длинной накидкой, либо просто в сочетании с туникой.

Не сомневаюсь, что в той области, где происходит действие моей истории (весьма обширной), «одежда» различных народов, людей и прочих в Третью Эпоху существенно различалась, в соответствии с климатом и унаследованными обычаями. Как в нашем собственном мире, даже если брать только Европу, Средиземноморье и самый ближний «Восток» (или Юг), до того, как в наше время победу одержал самый непривлекательный стиль одежды (...) Рохиррим - вовсе не «средневековые люди» в нашем смысле этого слова. Костюмы с гобелена из Байе (изготовленного в Англии) вполне им подходят, если помнить о том, что подобие теннисной сетки на ратниках - это всего лишь неуклюжее условное изображение кольчуг мелкого плетения.

*Т.е. принадлежат к нашему «мифологизированному» средневековью, в котором совершенно неисторично смешались стили и подробности более чем пятисотлетнего периода, каковых по большей части в Темные Века ок. 500 г. от Р. Х., конечно же, не существовало». (Перевод С. Лихачевой)

Этот пассаж так любопытен, что нам пришлось его цитировать почти целиком! На первый взгляд ответ Толкина разочаровывает. Но обратим внимание, первая фраза звучит не столь категорично, как ее представил переводчик: точный перевод звучал бы как «детали одежды мне неизвестны». Общий «стиль» костюмов напоминает иллюстрации Бэйнс к «Фермеру Джайлсу» - их можно увидеть в популярном издании¹. И все-таки «неисторичные» рыцари Бэйнс не похожи на героев Толкина. И на рисунках Бэйнс нет штанов - у Толкина мужчины носили штаны, «особенно в северных краях, как, например, в Шайре». Все же оговорка “*especially*” предполагает исключения из правил - без штанов обходился дикарь Ган-Бури-Ган (LotR3:V ch. 5) и даже северянин-Беорн (Hobbit ch. 7). Как подразумевает Толкин, типичной одеждой в Средиземье была туника, иногда - плащ. Однако костюмы отдельных народов очень сильно различались. Весь пассаж относится ко времени действия «Властелина Колец».

Толкин «не видит» всех деталей одежды, но все-таки отмечает проблему анахронизмов в иллюстрациях и, в принципе, имеет представление об истории костюма. Иначе он не переводил бы среднеанглийские тексты - эти сочинения (особенно «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь») насыщены описаниями средневековой одежды. И если в переводе поэмы XIV века появляется, скажем, слово *kirtle*, зная перфекционизм и филологическую точность Профессора, нам не приходится сомневаться - Толкин представлял, о чем пишет. Но слово *kirtle* можно найти и в текстах об Арде! Появляется надежда, что терминология все-таки поможет выяснить какие-то «детали» - и не обязательно детали «средневековые».

Нас интересует слово *breeches* из письма Роне Бир («штаны», которые носили большинство мужчин в Средиземье). Оно, собственно, означает «бриджи», но в разговорном языке может получать значение «штаны вообще». Штаны в традиционном для нас виде - это *trousers* (в разговорном языке это слово нередко замещается другими: *breeches* и *pants*). А какие слова предпочитает Толкин?

Слово *trousers* в «ардийских» произведениях встречается исключительно в выражении «карман штанов» (*trouser-pocket*, *trouser pocket*): дважды во «Властелине Колец» (LotR1:I ch. 1; ch. 5). Еще одно “*trousers*” в черновике к роману (RS:256) в итоговом тексте превращается в *breeches* (LotR1:I ch. 2). Зато в маленьком «Роверандоме» о *trousers* речь заходит 17 раз: три раза в выражении «карман штанов», но 14 раз - в ином контексте. Произведение с Ардой не связано...

Breeches встречается в текстах об Арде девять раз, почти всегда в самом обычном контексте: пять раз во «Властелине колец» (LotR1:I ch. 2; ch. 8; ch. 11; II ch. 3; 3:VI ch. 1), один раз в «Хоббите» (Hobbit ch. 5), один раз в «Приключениях Тома Бомбадила» (The Adventures of Tom Bombadil:I), два раза в «Письмах (применительно к Арде: Letters:35; 280). Это же слово неоднократно фигурирует в «Фермере Джайлсе». А в «Роверандоме» - совершенно отсутствует.

Как видим, Толкин строго различает trousers (брюки) и breeches (бриджи - короткие штаны до колен, особо распространенные в XVI-XVIII вв.). Именно в бриджах он одевал своих героев из Средиземья. Такие штаны можно видеть на иллюстрации «The Hall of Bag-End»², они едва прикрывают колени Бильбо. То же самое - на другой иллюстрации³, Бильбо в Туманных горах. Слово trousers попало в Арду только в составе выражения «карман штанов», но и здесь однажды было исправлено на breeches.

Кто же носил бриджи в Арде? Кроме общего указания в письме Роне Бир breeches обычно упоминаются у хоббитов - четырежды у Фродо, Сэма и их товарищей (LotR1:I ch. 2; ch. 8; ch. 11; II ch. 3), один раз они описаны в костюме Бильбо - обыкновенно он носил «темно-зеленые бархатные бриджи» (Letters:35). Одежду и быт хоббитов Толкин, пожалуй, описывал подробнее всего...

Но однажды речь зашла об одежде низкорослых мордорских орков - «long hairy breeches of some unclean beast-fell», «длинные ворсистые breeches, сделанные из шкуры какого-то нечистого животного» (LotR3:VI ch. 1). Эти штаны пришлось надеть Фродо и Сэму. Что такое «длинные breeches»? Наверное, они были длинноваты лишь по мерке хоббитов, которые несколько уступали по росту мелким оркам и с трудом могли носить их кольчуги. Если бы речь действительно шла о брюках на всю длину ноги, хоббиты вообще бы не смогли носить орочьи штаны, не обрезав.

Наконец, кожаные бриджи носил никто иной, как Том Бомбадил: «green were his girdle and his breeches all of leather» (The Adventures of Tom Bombadil:I). К штанам Бомбадила прилагались зеленые чулки (LotR1:I ch. 7).

Теперь поговорим о чулках (stockings)! По крайней мере в случае с Бомбадилом они сочетались с короткими штанами. Известно, что желтые чулки носил гном Торин (Hobbit ch. 2) - наверное, чулки носили и его спутники: на рисунке⁴ все гномы Торина показаны в единообразной одежде, то ли в чулках, то ли в узких штанах (рисунок весьма схематичен). Но сочетаются ли гномьи чулки с бриджами (как у Бомбадила)? Неясно. То, что мы видим на иллюстрации, может оказаться или бриджами, или, скорее, полами верхней одежды. Если гномы обходились совсем без бриджей, то возможно, «чулками» Торина названы средневековые шоссы? Трудно сказать.

Наконец, в заметке о Гэндальфе Толкин пишет следующее: «I have no doubt that when at ease in a house he wore light blue stockings and shoes», «не сомневаюсь, что в доме, в спокойной обстановке, он носил голубые чулки и туфли»⁵. В этом случае чулки для Гэндальфа выступают как атрибут мирной, домашней жизни. Известно, что в дороге Гэндальф носил очень высокие черные сапоги, «immense black boots» (Hobbit ch. 1). Высокие сапоги, «high boots», носил и Арагорн-следопыт (LotR1:I ch. 9). Если надеть высокие сапоги, чулки оказываются почти целиком закрыты. Это видно на рисунке⁶, Бильбо в Туманных горах: темно-зеленые бриджи доходят хоббиту

до колена, сапоги - до верхней части голени, между штанами и сапогами небольшой зазор, там можно заметить кусок серых чулок. Возможно, примерно так одевались и Гэндальф с Арагорном. На Торине чулки были хорошо заметны, потому что у гномов невысокая обувь⁷.

Трудно сказать, входят ли чулки в повседневную одежду хоббитов. На иллюстрации "The Hall of Bag-End"⁸ Бильбо в своей усадьбе изображен, кажется, без чулок. Обувь он получил в Имладрисе и там же ее оставил, возвращаясь на родину (Letters:35). Не получил ли он чулки от эльфов, вместе с обувью? В другой раз этот предмет туалета тоже связан с Имладрисом: когда Хранители выходят в путь, Сэм несет в своем мешке шерстяные чулки, "woollen hose" (LotR2:II ch. 9). Это, конечно, не доказывает отсутствие чулок в Шайре! Рисунок "The Hall of Bag End" довольно схематичен (как и все антропоморфные изображения у Толкина), там не показана даже шерсть на стопах Бильбо. Серые чулки на черно-белом изображении могли «затеряться». Быть может, ношение чулок в Шайре было опциональным. Чулки, если они получили распространение в хоббичьем быту, должны иметь особую форму - очевидно, они не прикрывали стоп (большинство хоббитов ходят босыми).

Одна цитата заставляет предположить, что Фродо и его спутники все-таки не обошлись без чулок на пути в Имладрис. Как известно, в болотах на пути к Амон Сул на путников напали кровососущие насекомые. "The flies began to torment them, and the air was full of clouds of tiny midges that crept up their sleeves and breeches and into their hair", «насекомые стали одолевать, в воздухе стояло комариное облако, они лезли в рукава, в штаны и в волосы» (LotR1:I ch. 11). Если бы хоббиты оказались в этих болотах с обнаженными голенищами, комары в коротких штанинах показались бы им пустяком. Босые стопы хоббитов хоть как-то защищены шерстью, но голени оказались бы совсем без защиты.

Этот пассаж окончательно разрешает проблему «штанов Арагорна». Голени Следопыта защищены сапогами, но бедра должны прикрывать штаны! Строго говоря, фраза о штанах в Средиземье из письма Роне Бир еще ничего не доказывает - бывают исключения из правил, Беорн в человеческом облике без штанов обходился. Однако слова "their sleeves and breeches" из фразы о Комариных Топях, скорее всего, относятся и к хоббитам, и к Арагорну. В противном случае нам пришлось бы допустить, что старый следопыт, полжизни просидевший в лесах и болотах, был хуже готов к путешествию, чем четверка беспечных хоббитов - гордый дунадан пал бы жертвой гнуса, но никогда бы не надел штанов, как остальные жители Средиземья... Слишком нелепое допущение.

Эльфийские штаны не засвидетельствованы ни в одном тексте, зато у нас есть очень любопытная иллюстрация, Таур-ну-Фуин (Pictures by J.R.R. Tolkien, p. 37). На рисунке показано, как Белег находит Гвиндора. Фигурки эльфов изображены весьма схематично, и все-таки заметны любопытные детали: у Белега и Гвиндора штаны кончаются чуть выше колен! Трудно сказать, носят ли они светлые чулки или же ноги ниже колен обнажены. Фигурки так малы, что подробностей разглядеть нельзя. Заметим, что Белег и Гвиндор принадлежат к разным народам (синда из Дориата и пленный эльф из Нарготронда). Этот сюжет (в отличие от всех остальных) относится к Первой эпохе. Штаны до колен оказались очень древним, традиционным элементом костюма в Средиземье.

Мы, конечно, не можем утверждать, что именно так облачались все эльфы, дунадайн и другие народы. Могли и должны существовать другие традиции: у нас слишком мало данных, чтобы отрицать что-либо «по умолчанию». Кто-то мог вообще

обойтись без штанов. Возможно, у некоторых народов (гномы???) существовали средневековые шосссы. Воины рохиррим напоминали Толкину изображения на знаменитом гобелене из Байе - не исключено, что и мирный костюм в Рохане мог, в принципе, напоминать одежду европейцев XI века. Быть может, где-то штаны существовали и в традиционном для нас виде, как бывало и в варварской Европе, и на Востоке.

И все-таки самым распространенным типом штанов (во всяком случае в Третьей Эпохе) были бриджи (нередко в сочетании с чулками). Это может косвенно свидетельствовать и о других особенностях одежды (например, о длине туники). Это заставляет также задуматься об «историческом фоне». Бриджи - элемент европейского костюма раннего Нового Времени (XVI-XVIII вв.). Жителей Средиземья у нас любят одевать «под раннее средневековье». Напротив, из хоббитов делают джентльменов в костюмчиках, едва ли не «двоюродных дедушек» профессора Толкина. Мне кажется, с хоббитскими костюмами связан ряд недоразумений. Хоббиты не так сильно выделялись на общем фоне, как обыкновенно представляют. Одежды народов Третьей Эпохи можно назвать «раннесредневековыми» только в самом первом приближении - там можно разыскать элементы позднего средневековья и раннего нового времени. Об этом мы напишем в следующих статьях.

Что же касается Арагорна, то он, по всей вероятности, носил бриджи, чулки и высокие сапоги. Чулки, наверное, были почти целиком закрыты сапогами, а бриджи чаще всего скрывал плащ. Можно осторожно предположить, что материалом для штанов Арагорна могла стать кожа (как у Бомбадила) - кожу сложнее износить.

Повторим, одежду толкиновских народов вполне возможно изучать с опорой на текст. И текст может открыть гораздо больше, чем кажется на первый взгляд! Особое внимание следует обращать на терминологию автора. Несколько лет назад, публикуя в журнале «Палантир» статью «Эстетика цвета в одеждах эльдар», мы, возможно, с излишним скепсисом высказывались о реконструкции эльфийской одежды...

Конечно, скудные толкиновские описания все равно оставляют непроясненными большинство деталей. Самое важное для убедительной «реконструкции» костюмов Арды - это полет фантазии и талант художников, модельеров. Но можно надеяться, что текстуальные изыскания могут дать для них хорошую пищу.

¹ J.R.R.Tolkien. Smith of Wootton Major and Farmer Giles of Ham. Illustrations by Pauline Diana Baynes. N.Y., Ballantine Books, 1969. Эта книга есть в ТТА

² W.G. Hammond, C. Scull. J.R.R. Tolkien. Artist and Illustrator. Boston, N. Y. 1995. P.146 ("The Hall at Bag-End").

³ Ibid., p. 121 ("Bilbo Woke Up with the Early Sun in His Eyes").

⁴ W.G. Hammond, C. Scull. J.R.R. Tolkien. Artist... P. 112 ("Sketches of Dwarves Marching, and Smaug").

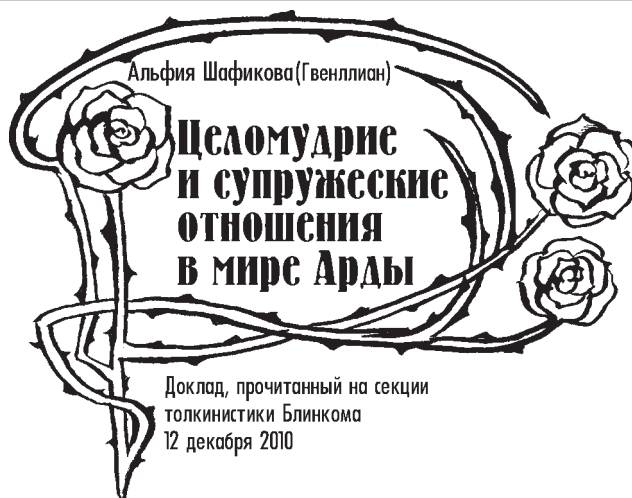
⁵ W.G. Hammond, C. Scull. The J.R.R. Tolkien Companion and Guide. London, 2006. P. 572.

⁶ W.G. Hammond, C. Scull. J.R.R. Tolkien. Artist... P. 121 ("Bilbo Woke Up with the Early Sun in His Eyes").

⁷ Как можно видеть на рисунке: W.G. Hammond, C. Scull. J.R.R. Tolkien. Artist... P. 112 ("Sketches of Dwarves Marching, and Smaug").

⁸ W.G. Hammond, C. Scull. J.R.R. Tolkien. Artist... P.146.

Говоря о целомудрии эльфийского народа и супружеских отношениях внутри него, следует упомянуть, что Падение (или Искажение) затронуло оба народа, которые называют «детьми Илуватара» - и Перворожденных, и Последышей. История падения эльфов осталась за кадром, и, хотя оно всё же, несомненно, было, мы склонны предполагать, что Искажение в меньшей степени затронуло души эльфов, нежели души людей, ибо сама природа эльфов оказывается более стойкой к Искажению, чем природа людей. Несмотря на то, что эльфы как народ обладают многими специфическими пороками, - такими, как, например, гордыня - мы всё же склонны предполагать, что у народа эльфов существует некий внутренний моральный закон (*унат*), который делает их неспособными (или почти неспособными) к определённым грехам - таким как, например, чревоугодие, забвение Творца, а также блуд и прелюбодеяние.

При чтении «Законов и обычаев Эльдар» мы узнаём, что «Эльдар вступали в брак единожды в жизни, по любви или хотя бы по свободной воле с обеих сторон. Даже в Поздние дни, когда, как говорит история, многие из Эльдар Средиземья стали развращены и их сердца затмила тень, что лежит на Арде, не много повестей могли они рассказать о деяниях возжеления среди них». Там же говорится об Эльдар, что «их нелегко ввести в заблуждение, и дух у них правит телом, а потому желания одного лишь тела редко направляют их, а по природе они воздержанны и стойки», что лишний раз говорит о том, что эльфы в меньшей степени, чем люди, подвержены плотскому греху.

Толкин пишет, что «брак, кроме лишь редких несчастных или странных случаев, есть естественный образ жизни для всех Эльдар». И в самом деле Илуватар предназначал эльфам состоять в браке. В «Легенде о Пробуждении» сказано: «Пока первые тела Квенди создавались из «плоти Арды», они, квенди, спали «во чреве Земли», под зелеными травами, и пробудились, когда выросли. Но Первые эльфы (что зовутся Нерожденными или Рожденными Единым) проснулись не все сразу. Эру устроил так, что каждый из них покоился рядом со своею «суженой». И первыми пробудились трое

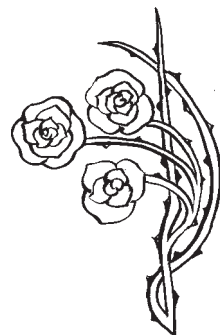
эльфов, и были то эльфы-мужи, ибо эльфы мужеска пола сильнее телом, и любознательней, и предприимчивей в непривычных обстоятельствах. Эти трое отцов эльфов зовутся в преданиях Имин, Тата и Энель. Они пробудились по очереди, один за другим; и от их-то имен, как говорят Эльдар, пошли названия чисел «один», «два», «три», и были то древнейшие из чисел. Имин, Тата и Энель пробудились прежде своих супругов, и первым, что узрели они, были звезды, ибо пробудились они в предрассветных сумерках. А потом увидели они своих суженых, что покоились на траве рядом с ними. И так восхитились они красотой супруг своих, что тотчас пробудилось в них желание говорить, и принялись они «придумывать слова», чтобы говорить и петь. И в нетерпении своем не стали они ждать, но тотчас разбудили супруг своих. Так и вышло, говорят Эльдар, что первым, что увидели эльфийские женщины, были их супруги, и любовь к мужу была первой их любовью, и лишь потом познали они любовь к чудесам Арды и благоговение пред ними». Тем не менее, существуют также и «редкие несчастные или странные случаи», а которых Толкин уже упоминал в «Законах и обычаях Эльдар»: «Среди Эльдар, даже в Аманы, желание вступить в брак не всегда исполнялось. Любовь не всегда вознаграждалась, и желать в супруги кого-то мог не один. Относительно этой единственной причины, по которой печаль проникала в блаженство Аманы, Валар были в сомнении. Некоторые считали, что это идет от искажения Арды и от Тени, под которой пробудились Эльдар, ибо лишь от этого (говорили они) происходит горе или беспорядок. Некоторые считали, что это исходит от самой любви и от свободы каждого феа, и было тайной природы Детей Эру». Эльфы и перенявшие эльфийскую культуру люди, которые любят кого-либо нераздельно, держат себя в высшей степени достойно и целомудренно (это легко можно заметить на примере Финрода, Амрота, Даэрона Менестреля, Гвиндора, Финдуила и других, кого постигла та же участь).

Сам Толкин, будучи католиком, четко обозначил свои взгляды на брак в письме к К.С. Льюису по поводу его брошюры «Христианское поведение»: «...Ты отмечаешь, что на самом деле придерживаешься (вместе с христианской церковью в целом) мнения о том, что **христианский брак** - моногамный, постоянный, обязывающий к безоговорочной «верности», на самом деле единственно верный образ сексуального поведения для **всего человечества**: это - единственный путь к полному здоровью для всех мужчин и женщин. ...В самом деле, будь это не так, навязывание постоянной моногамии даже христианам оказалось бы недопустимой жестокостью. Будь христианский брак в конечном счете «противоестественен» (так же, как, скажем, запрет на употребление мяса в ряде монашеских уставов), его удалось бы предписать лишь особому «целомудренному ордену» в рамках Церкви, а не Церкви в целом. Любой из пунктов обязательной христианской морали действителен не только для христиан... Основы [христианского брака] состоят в том, что христианский брак - это правильный способ «управления человеческой машиной». Твой же аргумент низводит его всего лишь до способа (может быть?) выжимать из нескольких избранных машин дополнительный пробег (Авторское примечание: «Христианский брак - это вовсе не запрет на половые сношения, но подобающий метод сексуальной воздержанности; и,

по сути дела, наверное, лучший способ получения наиболее полного **сексуального наслаждения**, точно так же, как воздержанность в употреблении алкоголя - лучший способ наслаждаться пивом и вином»). Ужас христиан, с которыми ты не согласен (а это - большинство воцерковленных христиан), перед юридически узаконенным разводом в конечном счете сводится именно к этому: ужас при виде того, как хорошие машины ломаются из-за дурного с ними обращения. Могу только надеяться, что, если однажды тебе представится возможность внести исправления [в текст брошюры], этот момент ты прояснишь. Терпимость к разводам, если христианин такое терпит, - это терпимость к дурному обращению с человеком, оправдываемая особыми местными и временными условиями (как, скажем, терпимость к ростовщичеству), если, конечно, развод или подлинное ростовщичество вообще следует терпеть просто-напросто из соображений целесообразности» (письмо № 49).

Тем не менее, «Законы и обычаи Эльдар» - это пересказ Эльфине того, что ему рассказали нолдор-изнанники (те, что вернулись в Валинор после Войны Кольца). Это очевидно уже из упоминания в тексте того, что Саурон обучал своих слуг делать нехорошие вещи. Это уже указывает, что «Законы» - творение средиземских эльфов, а не текст, составленный до Исхода. «Законы и обычаи Эльдар», как и большинство эльфийских текстов Профессора, имеют нолдорское происхождение и, вполне возможно, повествует только о нолдор. Более того, эти тексты - людские, сохранившие эльфийскую традицию. Всё, что мы узнаём об эльфах, мы узнаём от нолдор и с их точки зрения. О других эльфийских народах Арды, мы знаем поразительно мало и из того, что знаем, можем наблюдать сходства и различия их этических установок с теми, которые считаются общепринятыми. Эльфы-авари, к примеру, вопреки предположениям, никогда не служили Врагу по доброй воле, однако в отношениях с нолдор и синдар нередко проявляли вероломство, и если сражались (поневоле, поскольку орки нападали и на них), то в войнах никогда не становились открыто на сторону эльфов Света. Тем не менее, мы склонны предполагать, что все, касающееся любви и супружества, одинаково у всех эльфийских народов и сохранено в рамках тех норм, о которых рассказывают «Законы и обычаи Эльдар». Идеальной супружеской эльфийской парой выглядят Линдо и Вайрэ из «Книги утраченных сказаний»; можно привести и другие примеры. Тем не менее, есть некоторые исключения, которые, как и полагается, только подтверждают правило. Но даже если они и подтверждают правило, они указывают на некоторые тёмные и не совсем понятные случаи, которые тоже следует рассматривать и принимать во внимание. Рассмотрим эти случаи.

1) **Эол Тёмный Эльф**. Этот эльф-тэлери вроде бы ещё немного держится в рамках морали Эльдар, но черты Падения и Искажения проглядывают в нём изначально, потом становятся всё резче и сильнее. Живёт он особняком, сторонится Эльдар и дружит с гномами. Этот персонаж может вносить путаницу в текст о супружеских отношениях в народе Эльдар, поскольку два варианта его брака с Арэделью свидетельствуют о том, что «Законы и обычаи Эльдар», возможно, не рассматривались

Толкином как что-то постоянное. В опубликованном тексте «Сильмариллиона» не сказано, что Эол взял в жёны Арэдель насильно; кроме того, это прямо противоречит «Законам и обычаям Эльдар», согласно которым принудить эльфа к браку невозможно. Нигде не сказано, что Арэдель оставалась в Нан-Эльмоте против своего желания или что жизнь там была ей ненавистна. Ибо, хоть по велению Эола ей и приходилось избегать солнца, они часто гуляли под бледной луной; либо она одна шла куда хотела - Эол запретил ей только искать сыновей Феанора и других нолдор. И всё же Эол женился на Арэдель не совсем честным путём: «...случилось так, что он увидел Арэдель Ар-Фейниэль, когда она брела по опушке Нан-Эльмота, подобная светлomu лучу среди темных земель. Дивно прекрасной показалась она ему, и он возжелал ее; и опутал он ее чарами так, что она не могла найти дороги назад и подходила все ближе к его жилищу в сердце леса. Там были его кузня, и его темные чертоги, и слуги, скрытые и безмолвные, как их господин. И когда Арэдель, утомленная дорогой, подошла к его дверям, он явился ей и, приветствуя, ввел в дом. Там она и осталась, ибо Эол взял ее в жены, и прошло немало времени, прежде чем родичи вновь услышали о ней». В первоначальном тексте «Сильмариллиона» прямо говорится, что Эол взял в жёны Арэдель насильно. Так или иначе, Арэдель была недовольна тем, что ей приходится избегать света солнца и что ей запрещено искать своих родичей - и поэтому, хоть идея побега принадлежала не ей, а её сыну Маэглину, она восприняла это более чем положительно: «Арэдель обрадовалась и с гордостью взглянула на сына; и, сказав Эоловым слугам, что едут искать сыновей Феанора, они помчались и прискакали к северной опушке Нан-Эльмота».

2) **Маэглин**, сын Эола и Арэдели (материнское имя - Ломиион). Он в большей степени, чем его отец, подвергся Искажению — возможно, тому послужили его изначально плохие отношения с отцом, гнев на отца, ослушание и всё, к чему это привело. В результате в легендарии Толкина Маэглин — единственный эльф, который добровольно служил Морготу и предал своего короля, что для эльда, является, разумеется, показателем полной деградации и падения. Кроме того, Искажение в Маэглине прослеживается в его отношении к Идриль, его двоюродной сестре: «он был замкнут, и хотя не все шло так, как ему хотелось, он сносил это молча, скрывая свои мысли, так что немногие могли прочесть их; но Идриль Келебриндал - могла. Ибо с первых дней в Гондолине жила в его сердце печаль, что росла с годами и прогоняла радость: он любил красу Идриль и желал ее - безнадежно. Неслыханным делом было у Эльдаров, чтобы столь близкие родичи вступали в брак. И к тому же Идриль совсем не любила Маэглина, а зная его мечты о ней - не могла полюбить. Ибо эта любовь казалась ей извращенной и странной, и так же думали о ней и все Эльдары. Считалась она лихим плодом Резни, через который проклятие Мандоса затмило последнюю надежду нолдоров. Но годы текли, Маэглин глядел на Идриль - и ждал, и любовь в его сердце становилась тьмой. И тем более старался он настаивать на своем в других делах, не отвергая никакого труда или бремени, если мог таким образом стать сильнее». «...Тайная же ненависть Маэглина все росла, ибо ничего так не желал он, как обладать Идриль, единственной наследницей владыки Гондолина» -

данная цитата говорит о том, что влечение Маэглина к Идриль было вызвано скорее не любовью, а жаждой власти вкупе с плотским желанием. И, наконец, последнее: «Год спустя, когда Моргот напал на город, Маэглин пытался захватить Идриль и Эарендила (а согласно «Книге утраченных сказаний» – убить Эарендила на глазах матери, а ее заставить показать ему подготовленный ею тайный подземный ход, которым он хотел уйти). Однако Туор спас жену и сына и, после схватки с Маэглином на городских стенах, сбросил его вниз – так исполнилось пророчество Эола».

3) **Финдуилас Фаэливрин**, дочь короля Ородрета, о которой ни в коей мере нельзя сказать, что на неё пало Искажение, разлюбила своего жениха, эльфа Гвиндора, с которым была помолвлена, и полюбила смертного – Турина. В «Законах и обычаях Эльдар» читаем: «В назначенное время помолвка объявлялась на встрече двух заинтересованных домов, и помолвленные обменивались серебряными кольцами. Согласно законам Эльдар, эта помолвка связывала, по крайней мере, на год, но часто на больший срок. В течение этого времени ее можно было отменить, вернув кольца при свидетелях, после чего кольца переплавляли и не использовали более для обручения. Таков был закон, но правом разорвать помолвку пользовались редко, ибо Эльдар не делают беспечных ошибок в подобном выборе».

4) **Финвэ** – единственный эльф, который был женат дважды. «Статус Финвэ и Мириэль» был написан примерно в то же время, что и «О законах и обычаях Эльдар». В тексте видно, что Толкин задумывался о том, могут ли узы брака связывать живого и мёртвого так же, как они связывают живых. Манвэ отвечает эльфам на их вопросы об этом так: «Брак Эльдар, – рек он, – есть брак Живущих, для Живущих и для продолжения жизни. Поскольку, согласно природе своей, в Арде эльфы живут постоянно, столь же постоянен их неискаженный брак. Но если их жизнь прервана или окончена, то и брак их должен быть прерван. Ныне брак есть главным образом брак тела, но он, тем не менее, есть брак для тела и души в совокупности, ибо он начинается и длится по воле феа. Потому, когда один из супругов умирает, брак еще не кончается, а временно прерывается. Ибо те, которые были соединены, теперь разлучены, но их союз остается союзом воли. Как же может брак быть окончен, и союз расторгнут? Ибо пока это не сделано, невозможно вступить в брак вторично. По закону природы эльфов нэри и нисси равны, и потому каждый из них может состоять в браке только с кем-то одним. Ясно, что конец браку может наступить только по желанию супругов, и исходить это должно от Умершего или по приговору. По желанию, если Умерший желает никогда не возвращаться к жизни телесной; по приговору, если ему не будет дозволено вернуться к жизни и тому союзу, который есть, если он не может возобновить его, пока существует Арда, ибо жизнь Арды конечна. Мы говорим, что желание это должно происходить от Умершего, ибо Живущий не может ради своих целей ни принудить Умершего остаться таковым, ни отказать ему в возрождении, если тот захочет его. И нужно ясно понять, что это пожелание Умершего с того момента, как оно было произнесено и утверждено Мандосом, становится приговором – этому Умершему никогда не будет позволено вернуться к жизни и обрести тело».

История Мириэль, которая вопреки установленному порядку не пожелала вернуться к жизни, и Финвэ, который вопреки установленному же порядку пожелал жениться второй раз, вызвала большое смущение даже среди Валар, которые не могли решить, является ли причиной всему этому рождение Феанора или Тень, неведомым образом пришедшая в Благословенную Землю.

5) **Митреллас** – дева из Лесных Эльфов, о которой кратко упоминается в «Неоконченных преданиях Нуменора и Средиземья»: «Согласно семейным преданиям, Ангелимир был двадцатым прямым потомком Галадора, первого владыки Дол-Амрота (около 2004–2129 годов Третьей эпохи). Согласно тем же преданиям, Галадор был сыном Имразора Нуменорца, жителя Бельфаласа, и эльфийской девы Митреллас. Митреллас, подруга Нимродели, как и многие эльфы, бежала к морю около 1980 года Третьей эпохи, когда в Морин пробудилось зло. Нимродель и ее подруги заблудились в лесистых горах и пропали. Но в этом предании говорится, что Имразор приютил Митреллас и взял ее в жены. Она родила ему сына, Галадора, и дочь, Гильмит; но однажды ночью она выскользнула из дома, и больше Имразор ее не видел. Хотя Митреллас принадлежала к младшему народу Лесных эльфов (а не к Высшим или Серым эльфам), тем не менее, род владык Дол-Амрота слыл знатным и потомки Митреллас были прекрасны обликом и духом». Эта история напоминает семейное предание, почти фольклор. Скорее всего, Митреллас происходила из нандор, которые, как нам кажется, более всех эльфийских народов близки к феям из английских сказок: когда фея выходит замуж за человека, она ставит некое условие, при невыполнении которого покидает мужа. Возможен также и тот вариант, что Имразор взял её в жены насильно, однако об этом в тексте ничего не сказано.

Также отмечу для порядка некоторые странные случаи у людей:

1) Последний король Нуменора, насильно женившийся на своей кузине Тар-Мириэль, становится вестником того, что Нуменор подпал под Искажение и близко его падение. В этой связи можно также вспомнить и «изгоев», к которым примкнул Турин: они потому и «изгои», а не обычный отряд, что в своём моральном разложении дошли до степени «в Арде так не поступают». Убитый Туринем бывший вождь изгоев напал на девушку-халадинку с целью изнасилования.

2) Грима в своей «любви» к Эовин весьма напоминает Маэглина, потому что в его отношении к ней нет истинного благородства и желания ответного дара, а лишь стремление присвоить себе и обладать, ничего не отдавая взамен. Поэтому он обманывает в том числе и свою «возлюбленную».

3) Эовин в своей «любви-зablуждении», в свою очередь, напоминает Финдуилас. На ней не лежит никакой Тени, но она не может с самого начала отличить истинную любовь от ложной. Сам Арагорн

говорит Эомеру об этом так: *«Но знай, Эомер, тебя она любит по-настоящему, меня же – нет. Ибо тебя она знает, а во мне любит лишь тень, грёзу, игру собственного воображения. Со мной в её жизнь вошли чаяние славы, мечта о великих подвигах и дальних странах, не похожих на степи родного Рохана».* И в самом деле, будь любовь Эовин к Арагорну истинной, она бы исцелила её от холода и отчаяния, которые в ней только возрастают с появлением Арагорна в её жизни, и лишь истинная любовь к Фарамиру смогла её исцелить: *«Зима, жившая в ней, исчезла бесследно, и с небес засияло солнце».* Эовин и сама потом признается, что, любя Арагорна, она любила свою мечту стать королевой.

Необходимо также указать один сложный случай межрасовых взаимоотношений, речь идёт о первом случае любви между эльфом и человеком – об Аэгноре и Андрет. Когда рассматриваешь то, что Андрет говорит об эльфах в целом и об Аэгноре в частности, невольно на ум приходят слова старого наставника Турина, Садора Лабадала: *«Эльфы - народ прекрасный и дивный, и обладают они властью над сердцами людей. И однако ж думается мне порой, что лучше оно было бы, кабы нам с ними никогда не встречаться, ибо древний народ сей владеет многовековой мудростью; горды они и стойки. В их свете меркнем мы - или сгораем слишком быстро, и бремя участи нашей тяжелее давит на плечи»* («Нарн и Хин Хурин»)

Причины, по которым Аэгнор покинул свою смертную возлюбленную, остаются непроясненными в тексте, и предположения и доводы Финрода Фелагунда, брата Аэгнора, звучат несколько неубедительно. Однако видно, что вряд ли причиной расставания могло быть какое бы то ни было Искажение; скорее всего, такой причиной является исконное различие между природой эльда и природой человека.

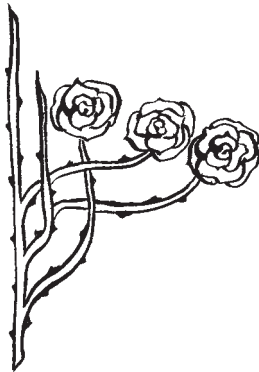
«- Я не говорила, что надеюсь на такое, - возразила Андрет. - Но, даже если это и так, я не могу не плакать! Ну, почему это случилось здесь и сейчас? Почему мы любим вас, а вы любите нас (или делаете вид, что любите) - и всё-таки отгораживаетесь от нас пропастью?»

- Потому что мы так устроены, хотя и близкие родичи, - Финрод вздохнул. - Но не мы, Эльдар, сделали себя такими, и не мы разверзли эту пропасть! Нет, Аданэт, мы не высокомерны - нам... просто жаль вас. Это - тебе тоже не понравится... Но ведь жалость бывает разная: можно жалеть того, кто близок тебе - эта жалость сродни любви, а можно - гордясь тем, что твоя Судьба иная... и это сродни высокомерию! Я говорю о первой...

- Не надо!!! - вскричала Андрет. - Не нужна мне ваша жалость - никакая! Я была молода и зажглась его пламенем - а теперь я стара и одинока... Он был юн, его пламя охватило меня - но он отвернулся, и по-прежнему юн! Разве свечи жалеют мотыльков???

- А разве мотыльки жалеют свечи - когда те задует ветром? Знай, Аданэт: Айканаро, Ярый Огонь, любил тебя! Ради тебя не возьмёт он невесты из нашего народа - и останется один до конца... Вечно вспоминать ему то утро на холмах Дортониона! Но скоро дохнёт Ветер Севера - и огонь погаснет! Эльдар дано провидеть многое в ближайшем будущем, хотя провидение это редко бывает в радость -

поскольку отнюдь не радость провидят они! И я говорю тебе: долго проживёшь ты, по меркам твоего народа... Он же - уйдёт прежде тебя, и не захочет возвращаться!!!

Андрет тут встала и протянула руки к огню.

- Но... почему же... он отвернулся? Почему оставил меня? Ведь я была молода, у меня было ещё несколько лет!

- Увы! - вздохнул Финрод. - Боюсь, правда не утешит тебя. Мы с вами разные, и каждый народ судит по себе - кроме тех, кто знает, как на самом деле... а это дано немногим». («Атрабет Финрод ах Андрет»)

Финрод, конечно, прав. Судьба сгоревшего в пламени свечи мотылька всё же кажется не такой ужасной, как судьба затушенной свечи. Лучше сгореть, чем погаснуть. Но всё же лучше смерть в юности, чем утрата любимого существа и долгая одинокая старость.

Эру может всё, в том числе соединить эльфа и человека - такова была судьба Берена и Лутиэн. Но без воли Эру они, разумеется, не были бы вместе; так, очевидно, не было воли Эру на то, чтоб Аэгнор и Андрет были вместе. Это не имело судьбоносного значения, и поэтому их взаимная любовь выглядит как тяжёлая роковая ошибка - главным образом потому, что природа эльфа и природа человека слишком разная, чтобы они могли понять и принять друг друга. Если эльф ещё может приблизиться к пониманию человека, как это делает Финрод, который снисходителен к обиде Андрет на Эльдар, к её обвинениям эльфов в высокомерии, поскольку эта обида вызвана лишь горечью любви, - человек, кажется, всё же не в силах понять сердце эльда, и Андрет не может понять, почему Аэгнор, любя её, покинул её.

Любовь человека к эльфу в самом деле можно сравнить со сгоранием («в их свете меркнем мы или сгораем слишком быстро», как говорит Садор Лабадал). Эльф кажется человеку существом бесконечно мудрым в сравнении с ним самим, и поэтому непонятным и далёким, холодноватым, а ответная любовь эльфа вызывает противоречивое чувство, как будто его одной рукой притягивают, а другой отталкивают. Таким образом, притягиваемый этим светом мудрости и нежности, человек, как мотылёк, летит прямо в этот огонь и в конце концов неизбежно сгорает, гибнет от непонимания и холодности («Почему мы любим вас, а вы любите нас (или делаете вид, что любите) - и всё-таки отгораживаетесь от нас пропастью?»).

Очевидно, исконно предназначено было эльфам вступать в союзы с эльфами, а людям - с людьми. Любовь между представителями этих двух столь разных народов не может обойтись без трудностей, испытаний, противоречий, непонимания и проч. Возможно, эльфы-женщины вроде Лутиэн и Арвен более снисходительны к своим избранникам-людям, а возможно, просто в Берене и Арагорне больше эльфийского, чем в Андрет (ещё бы, ведь в Арагорне текла эльфийская кровь).

Так или иначе, несчастье Аэгнора и Андрет представляется мне проблемой непонимания двух различных родов, и если кто-то и может преодолеть это, перешагнуть этот барьер, как это сделали Берен и Лутиэн, Арагорн и Арвен - то, очевидно,

исключительно по особой милости Творца. Помимо этих случаев, очевидно, на мой взгляд, что любовь между представителями Перворождённых и Последышей - взаимная она или нет - никогда не будет счастливой.

Современные подражания Толкину, стремящиеся не просто стилизовать свой мир под Арду, но и развить собственный авантюрный сюжет, часто забывают именно о той особенности толкиновского мира, которая касается моногамии и целомудрия всех «светлых» персонажей, включая и эльфов, и хоббитов, и людей Запада. В этой связи хотелось бы упомянуть двухтомный роман О. Брилёвой «По ту сторону рассвета», повествующий якобы о Берене и Лутизэн.

В рецензии на этот роман «С миру по нитке, или Проигрыш на чужом поле» Светлана Лихачёва пишет: «В определенных кругах считается, что современный театр не соответствует жизненной правде, если на сцене в обязательном порядке не представлено трех абсолютно необходимых элементов: а) ненормативной лексики, б) акта дефекации, в) плотского соития. А, напротив, если все три элемента представлены - тогда это самое «оно», жизнь как есть, реалистичное, убедительное искусство, в отличие от анемичных условностей классического театра. Тот же принцип «работает» и в отношении литературы. И роман О. Брилевой современным требованиям отвечает по всем трем пунктам. Ненормативная лексика - да пожалуйста, сколько угодно. Неаппетитные подробности («правда жизни») - да легко: с похвальной регулярностью героев выворачивает наизнанку, герои напиваются «в дребадан» и демонстрируют здоровую физиологическую реакцию по отношению к противоположному полу. Причем чем «светлее» персонаж, тем охотнее используются данные конкретные средства создания образа...».

Так, легенда о Горлиме Злосчастном кажется автору двухтомника, должно быть, слишком романтической и сентиментальной, и она меняет сюжет, выворачивает наизнанку, отчего он становится только менее правдоподобным. «Горлим, один из бойцов отряда, отправился в деревню навестить любимую жену, живую-здоровую. Только в тот раз за ним увязался и молодой Берен - в гости к «бойкой молодке». Деревенский доносчик выдал злополучного Горлима; его схватили и пытали вместе с женой. Что имел «удовольствие» наблюдать проснувшийся в объятиях молодки Берен...». Непонятен также эпизод, когда Берен в начале романа обсуждает с Лутизэн «основы сексуальных отношений в народе людей», точно так же, как потом Лутизэн с интересом и увлечением говорит об этом же с Даэрет, которая подробно живописует ей, что такое менструация, как она бывает и почему.

С. Лихачёва пишет: «В толкиновском мире люди западных областей (Три Дома эдайн, воспитанные эльфами - так уж всенепременно) жестко моногамны. Сам Толкин оговаривал эту весьма украшающую род человеческий подробность в одном из писем, в котором, к слову сказать, речь идет главным образом о хоббитских обычаях, а о людских - уже как обобщение: «Насколько мне известно, хоббиты повсеместно отличались моногамностью (и вторично вступали в брак крайне редко, даже если жена или муж умирали совсем молодыми)...» И далее: «На Западе «моногамия» практиковалась повсеместно, а иные системы воспринимались с отвращением, как нечто, что бывает только «под властью Тени»...» (письмо № 214). Заглянем в хроники,

заглянем в генеалогии: найдем ли мы хоть один случай повторного брака? Найдем один, в генеалогиях Гондорских наместников уже Третьей эпохи: Турин I, женат дважды, что в тех же генеалогиях отмечается как явление крайне редкое. В Первую эпоху - не зафиксировано ни одного. А ведь в военные, беспокойные времена, надо думать, и вдовы в защите нуждались, и осиротевшие дети; и проблема продолжения рода еще как стояла. Что еще более показательно, найдем ли мы во всем объемном корпусе текстов, включая черновики, от Первой эпохи до Четвертой, хоть одного внебрачного ребенка? Будь то бастард-злодей в духе шекспировских, будь то благородный незаконнорожденный, в котором однажды «заговорит отцовская кровь»? Не найдем». Вдовы эдайн не вели себя подобным образом. И уж точно не могло быть такого: «Когда Моррет выросла, ее, миловидную даже по человеческим меркам, сделал своей наложницей сын дана - и, видимо, любил ее и ее детей, хотя у него была еще и жена и дети от нее...»

Итак, наложницы – вполне обычное явление в мире Брилёвой, в то время как в мире Толкина это вызвало бы целый скандал.

Исходя из всего вышесказанного, мы делаем следующие выводы:

Мир Арды – это мир моногамии и целомудрия, в котором господствуют честь и супружеская верность, как указано в «Законах и обычаях Эльдар». В этом мире (по крайней мере, в том, что касается положительных персонажей) не бывает измены, разводов, незаконнорожденных детей, наложниц и т.д. Всё, что не укладывается в эти рамки, рассматривается как Искажение Брага (Эол, Маэглин, Ар-Фаразон, Грима), либо является единичными непонятными случаями – исключениями, которые подтверждаются правилом (Финдуилас, Финвэ, Митреллас, Эовин, Аэгнор).

По этой же причине мир, описанный Ольгой Брилёвой в романе «По ту сторону рассвета» мало похож на Арду, описанную Толкином. Положительные персонажи Брилёвой явно полигамны и не держатся в рамках целомудрия: наложницы, изнасилования и т.п. – для них обычная вещь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

- Брилёва О. По ту сторону рассвета. – Днепропетровск, 2001
- Лихачёва С. - С миру по нитке, или Проигрыш на чужом поле. - <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/palata/lich-ptsr.html>
- Парфентьев П. Эхо Благой Вести: христианские мотивы в творчестве Дж. Р. Р. Толкина. – М., 2004
- Толкин Дж. Р. Р. Беседы Финрода и Андрет. - http://eadenina.ya.ru/replies.xml?item_no=154
- Толкин Дж. Р.Р. Дети Хурина. – М., 2008
- Толкин Дж. Р. Р. Законы и обычаи Эльдар. - <http://parma.nolwe.ru/blog/2008-03-25-2>
- Толкин Дж. Р. Р. История Финвэ и Мириэли. - http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/kolzo_mo/finwe.shtml
- Толкин Дж. Р. Р. Легенда о Пробуждении. - <http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/war/quendi.shtml>
- Толкин Дж. Р. Р. Неоконченные предания Нуменора и Средиземья. - ТТТ, СПб, 2002
- Толкин Дж. Р. Р. Письма. - <http://lib.rus.ec/b/218753/read>
- Толкин Дж. Р. Р. Сильмарилион. - <http://lib.rus.ec/b/216497/read>

